

СЕВЕРНАЯ САГА

Лесной Кот

ВЯЧЕСЛАВ ОЛЕГОВИЧ КАЛИНИН

Вячеслав Олегович Калинин

Северная сага. Лесной Кот

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70050958

SelfPub; 2023

Аннотация

Главный герой по прозвищу Лесной Кот, бывший военный, любитель исторической реконструкции, оказывается в девятом веке, в самый начальный период становления русского государства с центром в Ладоге. Ему нужно быть сильным, ловким и умелым, чтобы завоевать авторитет и укрепить положение в суровом северном обществе. Герою предстоит пройти нелёгкий путь от простого воина до предводителя большой дружины-хирда, найти верных друзей, обрести свою любовь, богатство и славу.

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	20
Глава 4	33
Глава 5	54
Глава 6	61
Глава 7	77
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Вячеслав Калинин

Северная сага. Лесной Кот

*Автор ни в коем случае не претендует
на историчность описываемых в книге
событий, фактов и персонажей. Все
перечисленное является фантазией*

Часть I

Глава 1

Кольчуга сидела на мне, как влитая. Мастер-кузнец постарался на славу. Да еще бы он не постарался, ведь я заплатил за эту вещь, совсем бесполезную в реальной жизни, три зарплаты менеджера среднего звена какой-нибудь крупной компании. Менеджер лучше купил бы себе швейцарские часы или подержанную иномарку, но я не из таких. Мое хобби, реконструкция, давно переросло из простого увлечения в образ жизни, с досконально точным воспроизведением быта северного воина девятого-десятого веков. Изначально простые железки и одежонка постепенно обновлялись в результате роста моих знаний и потребностей, развитие происходило по мере все более глубокого изучения жизни той эпохи.

Последним штрихом в моей знатной экипировке была как раз кольчуга. По моему заказу кузнец сотворил шедевр, которому позавидовал бы сам Рюрик, если бы жил на самом деле. Полного формата, то есть с полноразмерными рукавами и длиной почти до колена, так называемого персидского плетения, кольчуга представляла собой ряды посеребренных для защиты от ржавчины колец, сцепленных между собой таким образом, что первый ряд идет в одну сторону, второй

в другую и так далее, кольца скрещиваются между собой и вертикально, и горизонтально. Плетение получилось очень прочным и плотным, наверняка способное выдержать колющий удар заостренным оружием. Проверять на себе не хочется, но мастер уверял, что испытывал подобное плетение и оно выдержало прямой удар меча и копья.

Я повернулся в кольчуге перед зеркалом, покрасовался, затем снял ее и упаковал в специальный чехол из плотной воощенной ткани. Остальное снаряжение уже было сложено в кожаный баул и заплечный мешок и готово к погрузке. По сложившейся уже традиции, я собирался на слет реконструкторов, который проходил в Новгородской области каждый год в конце мая. По реконструкторской легенде звали меня скандинавским именем Хельги Скогатт, что в переводе на русский звучало как Олег Лесной Кот, был я знатным нурманном, хольдом¹ в хирде² норвежского ярла.

И немного о себе: зовут меня Олег Олегович Русаков, рост метр восемьдесят пять, крепкого телосложения, волосы светло-русые, глаза серые, характер нордический, не женат. Легкой атлетикой занимаюсь умеренно, без постоянных спортзалов, но регулярно. С детства увлекаюсь фехтованием, мастер спорта по сабле, международником не стал, правда. Сейчас, в основном, в удовольствие, занимаюсь боем на мечах. Неплохо плаваю, стреляю из лука и арбалета, мно-

¹ Хольд – младший командир у викингов, что-то типа нашего десятичника.

² Хирд – так называлась дружина у викингов.

го стреляю из огнестрельного оружия, увлекаюсь охотой и рыбалкой. Знаю несколько языков – английский, немецкий, норвежский, шведский, датский. Больше двадцати лет прослужил в одной очень секретной государственной организации (*на фабрике сдобных булок, для тех, кто понимает*), вышел в отставку в звании подполковника по состоянию здоровья. В настоящее время уже несколько лет работаю на одном крупном промышленном предприятии начальником *самого* первого отдела, поэтому времени и денег для хобби стало существенно больше.

В пять часов утра я перенес все необходимые вещи в багажник своего автомобиля и выехал на улицу. Город еще только просыпался, на дорогах были, в основном, немногочисленные такси и грузовики. Полтора часа на автомобиле по отличной трассе и еще столько же по разбитым грунтовкам, и я на месте, в заброшенной деревне в Новгородской области, последние коренные жители которой умерли или уехали отсюда лет пятьдесят назад. Теперь это место постоянно использовалось для встреч реконструкторов, некоторые коллеги даже прикупили здесь для себя участки земли и всерьез собирались строить городок для круглогодичного проживания, все в соответствии со старинным бытом. Разрешения на проведение слетов организаторы получали в местной администрации, официально это мероприятие называлось «Фестиваль народных промыслов». Иногда даже телевидение приезжало снять сюжет для вечерних новостей.

Во время проведения реконструкторских мероприятий сюда приезжали разные умельцы и мастера, которые разворачивали торговлю самодельными тематическими товарами – продавали и одежду, и оружие, и глиняную посуду, и всякие бытовые вещи, пекли хлеб, жарили мясо. В общем, устраивали настоящее торжище, или ярмарку. Без правильных, соответствующих девятому-десятому векам, костюмов, люди в деревню не допускались. За этим строго следили несколько реконструкторов-активистов, так называемых «стражей порядка», с полномочиями местной милиции (несколько из них были реальными сотрудниками полиции). Для немногочисленных туристов (попробуй доберись в такую глухомань), в качестве оплаты за вход, недорого, был организован прокат подходящей одежды.

Метрах в пятистах от деревеньки, на большой лесной поляне, было построено капище, на котором по вечерам и ночам устраивались языческие игрища-представления для желающих полной аутентичности происходящего, с обрядами волхвов и просто массовыми посиделками. Все культурно и в рамках закона, без излишних алкогольных «заплывов», нарушителей быстро вычисляли и больше на слеты не допускали.

Главным волхвом, кстати, был мой хороший знакомый Серега, по прозвищу Горазд (так его и в реконструкторской тусовке звали), историк по образованию. Мы с ним по службе пересекались частенько, он работал журналистом в одной

крупной питерской газете и еще был модератором на историческом и нумизматическом форумах. Так вот, на этом слете он обещал провести какое-то невообразимое представление на капище, откопал в архивах ранее неизвестный широким массам ритуал, вот и решил его воплотить в действие на этом слете.

К десяти утра я закончил с обустройством своего быта, поставил шатер-палатку, оборудовал очаг для приготовления пищи, все на заранее отведенном распорядителем лагеря месте, и отправился поздороваться с организаторами, уточнить программу слета, и вообще, показать себя честному народу.

На площади, отведенной под торжище, уже разворачивали свои палатки и ставили прилавки народные умельцы, разводились костры, ставились походные печи и очаги для выпечки хлеба, пирогов, приготовления мяса и варки разных каш и похлебок. Кузнецы разворачивали походные кузницы, ткачихи устанавливали ткацкие приспособления, гончары раскладывали на прилавках разнообразные горшки, миски и плошки. После городской суеты здесь все чувствовали себя, как вырвавшиеся на свободу подростки, попавшие в пионерский лагерь, радостные лица и улыбки были везде, куда не посмотришь. Народ развлекался по полной.

Своей кольчугой я произвел прямо-таки фурор, многие знакомые спрашивали контакты мастера и выражали восхищение. Нашлась и пара «знатоков», которые, видимо от за-

висти, с умным видом сообщили мне, что викинги и варяги такое плетение кольчуг не использовали. Я был готов к таким высказываниям и парировал тем, что кольчугу сарацинского плетения можно было добыть или купить в дальних походах, да и заморские купцы приезжали торговать издалека в наши края и привозили множество диковинного в те времена товара. Вяло поспорив со мной, завистники умолкли, им пришлось признать мои доводы состоятельными.

Пообщавшись с организаторами и договорившись об участии в схватке за «детинец», я направился в сторону капища, так как хотел разузнать у Сереги-Горазда, что за ритуал он придумал показать ночью.

Капище было окружено деревянным частоколом в три с лишним метра высотой и внутрь меня не пустили Серегины помощники-волхвы, но зато он вышел за ворота сам.

– Привет, – поздоровался я. – Ну, что придумал? Давай, колись!

– Здорово! – поприветствовал меня Серега. – Вечером увидишь, ничего сейчас не скажу, готовимся пока, реквизит расставляем и вообще, так не интересно будет! Только одно могу сказать – победитель турнира будет главным участником, в качестве награды ему. Так князь и его ближники решили.

– Ага, то есть организаторы в курсе?

– Только в общих чертах, правда! Иначе разрешения бы не дали, ну и рекламу надо как-то запустить, что это награ-

дой будет для победителя. Толком я им ничего не рассказывал, чтобы интерес подогреть, – заулыбался Горазд, – так что от них тоже ничего не узнаешь, все сюрпризом будет, но обещаю шоу!

Еще минут десять я пытался порасспрашивать Серегу, но ничего не добился. Да и ладно, потерплю до ночи.

Пошел обратно на торжище, где приобрел себе симпатичное кованое кресало за двухграммовую серебрушку (да, у нас и валюта своя была, серебряные монеты по половине, одному, двум, трем и пяти граммов весом, с арабской вязью по образцу дирхемов десятого века, которые обменивались у организаторов на реальные рубли по курсу серебра плюс сколько-то процентов за работу по изготовлению монет) и отличный нож-засапожник из узорчатой дамаскской стали с костяной рукоятью за двадцать пятиграммовых монет. Вполне демократичные цены двадцать первого века! Недорого, тем более, что для покупок у меня с собой было припасено примерно на три гривны (почти полкило) серебряных монет. Натуральный обмен тоже присутствовал, только я – воин, мне торговать здесь нечем, свои ненужные вещи я обычно распродаю на форуме реконструкторов за реальные деньги или раздариваю друзьям.

Пообщавшись со встреченными по пути знакомыми, я взял из своей палатки-шатра шлем, щит, копье-сулицу и лук с колчаном, и направился к площади у детинца, большой избы, окруженной высоким частоколом из бревен со смотро-

выми башенками по углам и большими воротами, через которые и грузовик сможет проехать. Сегодня я, в составе нурманнского хирда, буду участвовать в захвате этого сооружения, начало боя в полдень. А после этого перерыв на пару часов и индивидуальные поединки.

В нашем хирде сегодня будет тридцать восемь викингов, из них ярл Скиольд, в миру Миша Сизов, и трое хольдов-десятников. Я командую правым флангом, под моим началом десять хирдманов-воинов, на мне правая башня и часть стены, ярл будет нападать на ворота вместе с хольдом Бьорни, он же Алексей Смирнов, и пятнадцатью хирдманами, левый фланг – за десятью хирдманами хольда Грима, он же Андрей Виноградов. Противостоять же нам и оборонять детинец будет дружина князя Гостомысла (он же Аскольд Арнольдович Войцеховский, главный врач частной медицинской клиники, я на его месте даже псевдоним бы не придумывал!) в количестве сорока трех дружинников.

Лестницы для штурма и таран для выбивания ворот лежали на площади, где уже начал собираться народ, чтобы посмотреть на предстоящее зрелище.

Сигнал для начала штурма подал главный судья, сидящий на специально построенном помосте на площади, подняв зеленый флаг.

Заревел рог, в который со всей мощи дунул наш ярл, и хирд начал движение прикрываясь щитами. Тех, кто тащил таран-бревно и нес лестницы, прикрывали щитами осталь-

ные викинги. Шли мы не торопясь, нога в ногу, в нас полетели первые стрелы и копья (стрелы, конечно, в соответствии с правилами, с затупленными концами, а копья – облегченные, без острых наконечников). Первыми, как и договаривались заранее, подошел центральный отряд ярла с тараном, парни ухнули и ударили бревном в ворота. Затем в защитников стен полетели наши копья, были приставлены лестницы, которые внизу прижимали по четыре бойца. Первые двое нападающих из нашей группы полезли на стену по лестнице, я же и еще один мой хирдман забросили веревки с крюками в трех метрах слева и справа от приставленной лестницы и быстро полезли вверх, пока защитники отвлеклись и тщетно пытались отбросить эту самую лестницу.

Хитрый маневр удался, мне и моему коллеге по прозвищу Эрик удалось вскочить на помост на забороле и вступить в бой, а потом и ребята на лестнице отбросили защитников и ворвались наверх. С башенки по нам стреляли из луков, но пока попаданий не было, судьи не кричали об этом со своего насеста. Зачистив свою часть стены, я направил троих на захват башенки, а остальные семь, нет – шесть бойцов, одного все же вывели из игры, двинув мечом по шлему, со мной во главе, бросились к площадке над воротами. Ворота, судя по всему, уже выбили, так как крики внизу и звон железа усилились, значит наши ворвались внутрь и их встретили во дворе дружинники князя.

Поверженные защитники и один мой боец в это время пе-

ребрались на правую стену в качестве наблюдателей. Мы зачистили центральную часть, потеряв еще двоих викингов и полезли на помощь хольду Бьорни, который потерял уже половину отряда, но все же влез на стену и бился с несколькими дружинниками сразу. Снизу со двора заорали о нашем приближении, но защитники не успели ничего предпринять, так как мы были уже рядом. Все, стена наша, пора помочь ярлу Скиольду! По лестнице спускаться не стали, чтобы не тратить время, просто попрыгали со стены вниз и врубались в самую схватку. Но особо драться не пришлось, князь уже отступал к избе в сопровождении нескольких дружинников, нас было больше, и мы их просто окружили и не дали спрятаться в доме. Тогда Гостомysl, видя, что терпит поражение, закричал, что требует поединка с ярлом. По правилам это не запрещалось.

Скиольд усмехнулся и приказал всем отойти и образовать круг. Как только Гостомysl-Аскольд вышел в круг, ярл метнул в него копьё, которое попало князю прямо в грудь, глухо звякнув о нагрудную пластину на доспехе. Судья закричал, что бой окончен и с помоста на площади взвилось вверх красное знамя. Мы победили!

Все вокруг пришли в движение, начали друг друга поздравлять, обнимать, хлопать по плечам и спинам. Среди бойцов засновали лекари-доктора, спрашивая о полученных травмах. На случай травм здесь всегда дежурили две бригады переодетых медиков, но все бойцы были опытными и ста-

рались не допускать даже случайных повреждений, не говоря уже об умышленных. На этот раз вроде бы обошлось без серьезных увечий. Так, несколько пропущенных ударов по голове и телу, синяки и легкие сотрясения, даже никто не потерял сознание.

Теперь по плану был час отдыха, а потом личные поединки на большой поляне. Для всех остальных там же накрывали столы для обеда.

Восемь поединков, восемь пар бойцов начали приготовления. Кто-то отдыхал, кто-то разминался или проверял свое снаряжение. Народ вокруг, несмотря на обед, начал ставить ставки на будущих победителей. Монеты принимал специальный судья от организаторов, большая часть вырученных денег шла в фонд слета, а десятая часть достанется победителям турнира.

Я тоже принимал участие в турнире в этом году, до этого участвовал два года назад и дошел до полуфинала. Поэтому подготовил доспехи и начал легкую разминку, потому что это вам не стены брать, тут внимания и сосредоточенности надо больше. Противники мне все известны, но вдруг кто-то за год подготовился сильно?

Глава 2

Ну, в общем, турнир я выиграл, победив в последнем поединке своего соратника Грима, обманным финтом сбив с его головы шлем и легонько, на развороте, тюкнув по макушке мечом. Зрители заулюлюкали, одобрительно засвистели, в мой адрес начали выкрикивать поздравления. Третье место занял Гостомысл, победивший своего соперника за счет большей выносливости, просто измотав его и рубанув напоследок плоскостью меча по спине.

Судья объявил турнир оконченным и сообщил, что награждение победителей состоится на вечернем представлении на капище, на чем все сегодняшние бои и закончились. Завтра ожидалось соревнования лучников, арбалетчиков, копьё- и ножеметателей. Для развлечения публики на площади началось выступление скоморохов и акробатов.

Приняв поздравления с победой от товарищей, я перекусил только что поджаренным мясом со свежесдобитой лепешкой, купленными тут же на торговой площади, запил это все отличным домашним пивом и решил отдохнуть до вечернего шоу в своей палатке, умаялся все-таки после бугурта и поединков.

Проснулся я, когда стемнело, отлично отдохнувшим. Вылез из палатки, умылся и снова перекусил остатками своей дневной трапезы, привезенными с собой вареными яйцами

и свежими овощами. Пора было собираться на капище, скоро должна была начаться церемония награждения и представление волхвов. Нацепив на себя полный доспех викинга и взяв свое самое лучшее оружие и снаряжение, чтобы выглядеть эффектно, я отправился занимать место. По пути к капищу я встретил нескольких товарищей и мы, обсуждая предстоящее шоу и посмеиваясь над Серегиной секретностью, подошли к воротам, на этот раз распахнутым.

На территории капища установили несколько рядов грубых деревянных лавок для самых почетных зрителей, остальные гости располагались там, где им нравилось, просто стоя или сидя прямо на траве. В центре капища был врыт в землю большой столб, с вырезанным на нем изображением какого-то бородатого мужика с оскаленными зубами. Видимо, по представлениям наших волхвов, так должно было выглядеть древнее божество. По периметру огороженной цветными лентами центральной части капища и вдоль всего забора горели факелы, закрепленные на длинных шестах, освещающая почти все пространство. Языки пламени колебались от порывов ветра и деревянное лицо на столбе менялось в зависимости от падающих теней – от злобной оскаленной рожки до улыбающегося доброго деда, то весело подмигивая, то подозрительно щерясь.

Середи-Горазда нигде не было видно. Наверное, проводил последние приготовления к ритуалу в небольшой деревянной избе, стоявшей на дальней от ворот стороне капища, у

стены. У входа в избу расположились человек шесть волхвов, помощников Горазда, что-то тихо обсуждая между собой.

Наконец на капище зашла группа организаторов слета и заняла места на лавках в первом ряду. Из двери показался Горазд, что-то сказал своим помощникам и те стали выносить из избы небольшие бочонки и деревянные трубки, типа фейерверков на палках, расставляя их вокруг идола. Приготовления закончились, волхвы встали полукругом перед идолом, лицом к публике, Горазд махнул рукой главному организатору, нашему князю.

Князь встал, вышел на площадку перед идолом и громко крикнул:

– Уважаемые друзья и гости нашего города! Для награждения приглашаются победители сегодняшнего турнира и воины, показавшие себя в захвате и обороне детинца – достопочтенные князь Гостомысл, хольды Хельги Скогатт, Грим и десятник Ратибор!

Мы, занявшие первые три места на турнире, и отличившийся при бугурте Ратибор, вышли в круг к князю. Тот обнял нас по очереди, вручил каждому кожаные мешочки с серебром и сказал оставаться у идола, рядом с волхвами, которые, по команде Горазда, начали поджигать фитили на воткнутых в землю фейерверках. Горазд нараспев начал читать какой-то текст на старославянском, в смысл которого я не вслушивался. Я подумал еще о том, что как-то мне такое действие не очень нравится, техника безопасности при

работе с огнем сильно хромает, и вот тут произошло что-то невероятное.

Облака на небе разошлись, показалась полная луна, ярко осветившая идола с оскаленной мордой. Неожиданно раздался оглушительный раскат грома, и молния ударила из чистого неба прямо в макушку деревянного божества. Последнее, что я запомнил, это были искаженные от ужаса лица людей вокруг меня и зловеще ухмыляющаяся бородатая рожа идола, подмигивающая одним глазом. Потом наступили чувство полета, темнота и полное спокойствие.

Глава 3

По моему лицу ползла муха, я ощущал ее движения, как она перебирает мелкими шустрыми лапками по щеке, затем по носу. Мне было щекотно, хотелось ее смахнуть, но своего тела я не чувствовал, не мог даже напрячь мышцы лица. И мне было очень холодно, как будто тело просто окоченело намертво. Так продолжалось минут десять. Потом я ощутил покалывания по всему организму, как будто миллионы мелких ледяных иголок впивались в кожу и тут же таяли, растекаясь под кожей. Наконец чувствительность стала восстанавливаться, и я, для начала, смог сморщить нос, чтобы прогнать надоедливое насекомое. Муха, недовольно жужжа, улетела. Приоткрыв слегка один глаз, я понял, что лежу в высокой траве. Слева, метрах в пятидесяти, виднелась небольшая рощица лиственных деревьев.

Собравшись с силами, я приподнялся на одном локте и попытался оглядеться. Странно, ведь только что была ночь, и я был в лесу. Сейчас же ярко светило солнце, находящееся в зените, и лежал я на большом лугу, заросшем густой зеленой травой.

И тут я вспомнил, чем закончился обряд Горазда – молния ударила в его пиротехнические бочонки с фейерверками! Мы же на воздух взлетели! Взорвались нафиг!

– И как я здесь оказался? – спросил я себя вслух. – Кто

меня в поле перетащил? Что здесь происходит, в конце концов???

На всякий случай, я осмотрел себя, насколько смог, и убедился, что тело по-прежнему мое. Почему-то в голову пришли воспоминания из прочитанных книг о попаданцах в прошлое, они там почти всегда в чужих телах оказывались. Но нет, я в своем теле, в своей посеребренной кольчуге, шлем на голове, меч в ножнах на поясе, да и остальные вещи при мне, те, с какими я к идолу на капище выходил.

Ну ладно, и то хорошо, что я – это я. Дальше будем посмотреть, как говорится. Ничего, вроде, не болит, руки-ноги целы, голова не кружится, в себя пришел полностью, пора людей искать. И вообще, хотелось бы знать, где это я.

В сердце, конечно, что-то екнуло, когда про попаданцев вспомнил, но разум твердо уверял меня, что все это из области фантастики. Тогда ноги в руки – и вперед, к народу, в деревню, к машине, наконец. Там у меня в багажнике бутылка вискаря припрятана, теплого уже, наверное, на таком-то солнце. Неожиданно очень сильно выпить захотелось, прямо из горла и полбутылки залпом. Для начала надо оглядеться, чтобы понять, в какую сторону идти следует. Так, рощицу слева я уже видел, что дальше? А дальше что... м-м-море? Это как? В Новгородской области посреди леса? Бред какой-то. Метрах в ста от меня я увидел каменисто-песчаный берег бескрайнего темного моря, спокойного, с небольшими белыми барашками, бегущими по легким волнам.

Итак, я находился на большом лугу, позади меня вдали виднелся густой темный лес, слева и справа росли редкие рощицы лиственных и хвойных деревьев, а впереди раскинулось натуральное море.

На всякий случай я помотал и потряс головой, вдруг видение пропадет. Но нет, не пропало, море никуда не делось. Придется вставать и идти проверять, что это такое и что дальше, там, за рощицами. Звоночки о попаданцах звенели в голове все сильнее. На самом деле, я даже обрадовался, почувствовал легкий мандраж в предвкушении разгадки. Если я и правда куда-то провалился во времени, это прямо исполнение давней мечты, можно сказать. Всегда хотел так. Однако, нужны доказательства, одних ощущений и неожиданного пейзажа маловато.

Так, куда идти? Налево или направо?

– Нормальные герои всегда идут в обход! – пропел я песенку из старого детского фильма. – Но в обход мы не пойдем, мы по берегу пройдем! – во как, стихами заговорил.

Проверив, не оставил ли чего на траве, я подтянул ослабший ремень, поправил снаряжение и пошел в сторону берега. Дойдя до береговой линии, я внимательно осмотрел все вокруг и сделал заключение, что по внешнему виду и песок, и сами воды моря типичны для Финского залива, такие же гранитные камни, тот же темно-желтый крупный песок, та же бурая вода и мелководье. Нанесенный волнами прошлогодний камыш густо застилал побережье.

– Ну, хотя бы не в Африке оказался и не в Карибском море! Уже хорошо, – с этими словами я пошел направо вдоль берега. Следов пребывания человека, таких как бутылки, обрывки пластиковых пакетов, окурки и консервные банки, отсутствовали. Берег был идеально чист.

Шел я долго, часов шесть, особо не торопясь, высматривал следы цивилизации на берегу и, не находя их, удивлялся все больше и больше.

Была одна странность, которую я отметил – состояние моего здоровья. Ничего не болело, сил было – хоть отбавляй. Но самое главное и удивительное для меня – это острота зрения. Вообще-то, я практически всегда пользовался контактными линзами, уже лет десять носил их почти все время. Сейчас потребности в них я совсем не ощущал, отмечая все мелкие детали на таком расстоянии, что даже раньше, в молодости, такого со мной не происходило.

К вечеру я дошел до небольшого, на удивление прозрачного, ручья, впадающего в море, где решил сделать привал. Припасов у меня с собой не было, но я поднялся вверх по ручью до ближайшего подлеска и набрел на болотистую лужайку с прошлогодней клюквой, крупной и сладкой. Перекусив ягодой, я рискнул глотнуть воды из ручья и был удивлен ее чистотой и свежим вкусом.

Здесь же я решил остановиться на ночлег, предварительно осмотрев место на предмет присутствия медведей, так как клюкву не я один люблю, но следов и характерных куч поме-

та не обнаружил. Ночь обещала быть теплой, дождя не ожидалось, на небе не было ни облачка, поэтому шалаш строить смысла не было. Как и костер разводить, готовить все равно нечего. Пока шел, видел пару раз совершенно не боящихся меня зайцев, что-то увлеченно поедающих в траве недалеко от берега, но охотиться было нечем, лук со стрелами остался в палатке где-то в далекой новгородчине, силки на заячьи тропы ставить было откровенно лень, не настолько оголодал еще. Была, конечно, сулица, но не заточенная, жалко зверушек тупой железкой бить. Кстати, надо бы ее заточить на всякий случай, хотя при встрече с правоохранительными органами это чревато. У меня и меч не заточен, вот еще какая засада. А если я все-таки попал и мне сегодня в бой? Да, попадос... Или дилемма, не знаю, что сейчас больше к случаю подходит...

Нарубив большим ножом нижних еловых веток, устроил себе лежанку, где уселся и все же решился заточить одну сторону лезвия и кончик сулицы. Хороший точильный камень у меня с собой был, лежал в поясной сумке. Если что, отбрехаюсь, надеюсь, под нож на палке косить буду. Затачивая сулицу, я вяло размышлял, бывает ли здесь в глуши полиция или нет. Что-то устал я, мысли путаются, спать пора.

Проснулся я с первыми лучами солнца, отлично отдохнувшим, свежим и бодрым. Умылся тут же, в ручье, выпив из него воды побольше, чтобы заглушить подступивший голод, и надеясь на то, что скоро выйду к какому-нибудь насе-

ленному пункту или трассе, все же не в тайге живем, Новгородская и Ленинградская области заселены густо.

Нацепил на себя свою кольчугу, опоясался, проверив все ли снаряжение на месте, подхватил шлем и сулицу, и направился дальше вдоль берега.

Через некоторое время я вышел к краю вдававшегося в берег большого залива, в глубине которого заметил много деревянных построек и деревянный же причал с пришвартованной к нему крупной лодкой, издали напоминавшей по форме старинную ладью или норманнский драккар.

Еще раз удивился остроте своего зрения, потому что до лодки было метров пятьсот, не меньше. Но я спокойно рассмотрел даже круглые, норманнского типа, щиты, окрашенные в белый, черный и красный цвета, прикрепленные к бортам этой лодки по пять штук с каждого борта. От домов к причалу и обратно ходили несколько человек, перетаскивая в лодку какие-то мешки, тюки и свертки.

– Как будто братья-реконструкторы здесь обосновались, – очень похожие строения и ладью я видел в Выборге в деревне викингов, приходилось там бывать неоднократно.

– Ну вот, вышел, наконец-то, к людям! – обрадовался я и направился по обнаруженной мной тропинке, протоптанной меж прибрежного подлеска, в сторону деревеньки, весело насвистывая старую мелодию из какого-то советского мультфильма, про доброту, друга и карамельку про запас в кармашке.

Не доходя до ближайших строений метров сто, подлесок поредел настолько, что я мог видеть уже всю деревеньку и причал с ладьей, а также рассмотреть людей, деловито сновавших туда-сюда. Между причалом и домами было открытое пространство, в центре которого я увидел разыгрывающуюся непонятную сцену. На небольшой бочке сидел крупный длинноволосый и бородатый мужик в старинном костюме воина, то есть в открытом шлеме, с мечом в ножнах на поясе, кольчуге с короткими рукавами. На его ногах были свободные кожаные штаны и низкие сапоги. В руках он держал кинжал, или длинный нож, перебрасывая его из руки в руку. Перед ним, стоя на коленях, качался, наклонив голову, белобрысый молодой парень с небольшой бородкой, босой, в простой льняной рубаше и светлых кожаных штанах. Руки его были связаны за спиной, лицо, как я разглядел, окровавлено. Кровь была и на левом плече. Мужик в шлеме о чем-то его спрашивал, а парень мотал головой в ответ и периодически сплевывал перед собой кровавые слюни.

– Странная картина. Как-то все слишком натурально выглядит для реконструкторов, – я остановился за широким кустом, так, чтобы меня не было видно из деревни и от причалов.

Разглядывая непонятную сцену дальше, я увидел пятерых женщин разного возраста, стоящих у стены первого дома и прижимающих к себе нескольких подростков и детей. Перед ними, раскинув руки, по всей видимости, без сознания, ле-

жал на спине мужчина в такой же, как и у стоящего на коленях парня, льняной рубахе. Около лежавшего стояли еще двое воинов с длинными копьями в руках, одетые в кожаные нагрудники с нашитыми на них железными бляхами и колпаках, обитых железом.

– Как будто сторожат их, – подумал я.

Неожиданно из группы, стоящей у стены, выскочил невысокий мальчишка. Он попытался рвануть, что есть сил, в сторону леса, туда, где спрятался я, и успел отбежать метров на двадцать. Но вдруг, совершенно неожиданно для меня, один из воинов в кожаных доспехах метнул ему вслед копье, длинный и острый наконечник которого вошел пареньку точно между лопаток и вышел из груди. Паренек с разбегу шлепнулся лицом в землю и застыл без движения.

– Эта тварь в кожаном панцире только что боевым оружием проткнула насквозь ребенка! Так только насмерть можно, без вариантов, я даже кровь видел, вылетающую яркими алыми брызгами вместе с наконечником копья из груди беглеца! – я стоял с открытым ртом, не веря своим глазам.

– Нихрена это не реконструкторы, все слишком реально, – я потряс головой, как будто пытаюсь прогнать от себя наваждение. Словно подтверждая мои догадки, заголосили женщины, заплакали дети, второй воин заорал на них на каком-то гортанном языке и направил свое копье в их сторону. Женщины тут же притихли и прижали к себе детей еще сильнее.

– Надо спасать людей, потом разбираться буду, что это за твари здесь хозяйничают! – понимая, что врагов слишком много, я решил, что нужно максимально скрытно подобраться к постройкам. Мне может помочь только неожиданная атака. Не выбираясь из подлеска, я побежал так, чтобы оказаться за избами, для того, чтобы выйти на противника из-за центральных построек.

– Черт бы побрал эти реконструкторские правила с не заточенным оружием! Мой меч сейчас только в качестве железного лома сойдет! Хорошо, что хоть сулицу заточил вчера, – думал я на бегу. Пригнувшись, я выбежал из леса позади домов, стараясь не выходить на просматриваемые с причала места, добежал до первого строения и притаился за его стеной, отметив, что дыхание совсем не сбилось, хотя бежал я очень быстро. Оглядевшись по сторонам, я увидел в нескольких метрах от себя труп крупной лохматой собаки, разрубленной чуть ли не пополам, в очередной раз убедившись, что не в реконструкторскую игру попал. Все куда как серьезней. В левой руке у меня была сулица, в правую я взял с пояса свой меч, поработает за дубинку, будем глушить гадов. Надо отметить, что работать с оружием я могу обеими руками одинаково. Вдохнул-выдохнул несколько раз, успокаивая себя, и рванул между домами в сторону причала.

Я все рассчитал правильно и выскочил из-за угла дома прямо на этих двоих кожаных уродов, что стало для них большой неожиданностью. Не знаю по какой причине, на-

верное, больше от страха, я заорал во весь голос: «Ver thik, her ek kom!»³ и со всей дури влепил мечом по кожаной башке ближайшего ко мне воина, стоящего с копьем в руках. Звук от удара напомнил мне второсортные боевики, когда для озвучки наносимых ударов лупят чем-то тяжелым по подвешенным на крюках мясным тушам. Кожаный закатил глаза и мешком повалился на землю.

Второй кожаный как раз вразвалку направлялся вытаскивать свое копье из тела паренька, но успел отойти только на несколько метров, так что в два прыжка я подскочил к нему и двинул тупым концом сулицы в солнечное сплетение. Доспех ему не помог, и он согнулся пополам, хватая разинутым от ужаса ртом воздух. Плоской стороной меча я двинул ему по затылку, окончательно вырубив, развернулся и бросился к сидящему на бочке воину в шлеме.

Этот был не чета первым двум, успел вскочить, выхватить меч, отпрыгнуть на пару метров назад и приготовиться к отражению моей атаки. Я оценил снаряжение и сноровку противника, поэтому сразу на него не кинулся, по пути чуть притормозив у стоящего на коленях парня и резанув по веревкам, стягивавшим его руки, заточенной стороной сулицы, освобождая его от пут.

– Помогай, парень! – крикнул я, видя, что тот в состоянии нормально двигаться.

Обойдя встающего на ноги парня слева, я выскочил на

³ «Берегись, я иду!» – боевой клич викингов.

противника, по всей видимости главаря шайки, судя по его богатому снаряжению. Самым неприятным было то, что от причала, побросав все тюки, к нам бежали еще шестеро кожаных уродов. Чтобы встретить их достойно, мне нужно было завалить главаря за пару секунд. Здесь я церемониться не стал, а провел удар мечом, целясь ему куда-то в живот, который он конечно же парировал, но не учел, что в моей левой руке была сулица, которой я, без замаха, просто ткнул ему в глаз и тут же выдернул обратно.

Повезло, что у остальных разбойников было только два копья на всех. Не добежав метров двадцать, один из них решил метнуть копьё в меня, и я умудрился перехватить его в полете и тут же вернуть обратно, причем во второго копьеносца, уже изготовившегося к броску. Попал ему в живот, сочно так, с громким чавкающим звуком. Он согнулся, хватаясь руками за древко торчащего копья и дико крича, и вышел из игры. Надо отдать должное моим реконструкторским тренировкам, когда мы метали друг в друга копья и перехватывали их в полете, отправляя обратно в противника, причем все это происходило в сближении на бегу, так что такие вещи я люблю и умею, что меня и спасло сейчас.

Боковым зрением я уловил движение и заметил, что спасенный мной парень также ловко бросил трофейное копьё в набегающих врагов и поразил в грудь еще одного кожаного упыря. В руке парня оставался длинный тесак, тоже трофейный. Осталось четверо противников, которые притормозили

перед нами и создали что-то вроде полукруга, готовясь к нападению. Трое из них были вооружены нормальными мечами, четвертый был с тесаком попроще, вроде того, с которым был мой союзник.

– Ver thik, her ek kom! – снова заорал я, помня, какой эффект произвел в первый раз, и не ошибся.

Тряхануло их знатно, сразу видно было, что боевой настрой совсем пропал. Чтобы не терять преимущества, произведенного моим боевым кличем, я рванул вперед и махнул сулицей поперек на уровне шей противников, туда и обратно. Удачно, вспорол горло сразу двоим кожаным, которые булькая кровью и хрипя, повалились на спины. Третьего противника достал мой союзник, удачно рубанув понизу и вспоров тому бедро, из которого фонтаном хлынула кровь. Этот тоже не жилец. Последний враг, глядя на то, что стало с его соратниками за каких-то несколько секунд, просто отбросил меч и плюхнулся на колени, вереща что-то на своем языке. Ну, собственно, понятно, что – просил пощадить его.

Я огляделся по сторонам и противников больше не заметил. Зато заметил, как две женщины хлопотали около лежащего мужика, которого я наблюдал из леса, пришедшего в себя, а остальные с остервенением пинали уже связанных (и когда успели?) моих первых противников, кажется, даже не очнувшихся.

– Успокой их, – сказал я парню, смотрящему на меня круглыми глазами. – Эти еще нужны для допроса! А то бабы их

порвут.

Парень тут же крикнул бабам прекратить избиение, причем его язык я понял прекрасно, было сказано по-русски, хотя и слегка непривычными для меня фразами. Потом он развернулся ко мне и сказал:

– Спасибо за помощь, нурманн, не знаю твоего имени! Я
– Варяжко, сын десятника Доброги.

Глава 4

В голове моей... опилки, да-да-да... Деревня... Лодка со щитами, похожая на драккар... Убийцы в костюмах викингов... Бабы в костюмах, хм, баб... Сын десятника... Куча трупов вокруг...

Похоже, что я, все-таки, попал. Ну вот не зря такие ощущения были неправильные. Ладно, пора представиться, а то невежливо как-то, Варяжко ждет, что я отвечу.

– Я Хельги Скогатт, Олег Лесной Кот по-вашему, – эх, была не была. – Но я нурманн только наполовину, мой отец, тоже Хельги, был варягом, а мать – нурманнка. Долго жил у нурманнов.

Варяжко понимающе кивнул.

– Тогда понятно, почему так чудно говоришь. Будь моим гостем и другом, Хельги Хельгисон Скогатт! – и поклонился в пояс.

– Спасибо, Варяжко! Буду твоим гостем, и ты будь мне другом! – я поклонился в ответ, надо привыкать играть по местным правилам. – Расскажи теперь, кто эти люди и что здесь произошло?

– Пойдем к отцу, вместе поговорим, – Варяжко указал на очнувшегося мужика, который встал уже на ноги с помощью женщин.

Мы подошли и представились друг другу. Мужика звали

Доброгой. На вид ему было лет тридцать пять – сорок, был он среднего роста, атлетического телосложения, бородатый, волосы тоже светлые, длинные, перехваченные кожаной лентой. Он рассказал, что после тяжелого ранения ноги, полученного в крупной битве с лесовиками-весьянами, его, во главе большого десятка, сюда, в эту деревеньку, поставил ладожский князь, для охраны рубежей княжества.

– Где же твои люди, Доброга?

Доброга вздохнул и махнул рукой.

– Не ждали мы, что кто-то сюда заявится так рано, только недавно снег сошел и лед, в лесу еще сугробы не стояли, а эти уже грабить пришли. Вой-то мои с холопами на охоту ушли, да на болото за железной рудой. Будем железо добывать, кузницу поставим скоро.

– Кто они? – указал я на пленных.

– Эсты, кто ж еще. Рабов набрать пришли, похоже.

Я показал рукой на убитого копьем паренька и осторожно спросил, кто он.

– Глухарь это, холоп мой. Жалко паренька, смышленный был, я его на зимнем торгу в Ладоге купил, – вздохнул Доброга.

Теперь мне стало понятно, почему никто из женщин по нему не плакал, спокойно отнеслись к его смерти. Ну, убили раба и что? Убыток, да и только...

– Ладно, Доброга, давай теперь убитых приберем, добычу посмотрим, а потом пленников допросим. Запереть бы их

пока надо где-нибудь.

– Это мы мигом! Варяжко, давай пленников раздень до нательных рубах и портков, да в сарае запри. Да свяжи покрепче!

Под нашим присмотром Варяжко сноровисто раздел троих выживших эстов, связал заново по рукам и ногам, и пинками загнал в небольшой дровяной сарайчик.

– Ловок ты с оружием обращаться, Хельги Скогатт, да только, как я погляжу, меч твой тупой совсем. Как же так? – Доброга оказался очень глазастым.

– Так получилось, не доделан меч еще, – буркнул я. – Вот разгребем дела и займусь сразу.

– Сам, что ли, доводить будешь? В кузнечном деле разбираешься? А то могу подсобить, кузнец есть у меня хороший, да и сам кое-что умею, – Доброга вопросительно посмотрел на меня.

– Спасибо, позже займемся, я тоже немного умею по кузнечному ремеслу. Да и только заточить его как следует надо, так-то готов меч. Сначала добычу посмотрим и пленников разговорим.

Доброга кивнул в ответ.

– Трофеи все твои, спасибо тебе, Хельги Скогатт, крепко выручил! Пропали бы мы все тут, меня бы порешили, а Варяжку с бабами да детками в полон бы увели.

– Все, что у вас выгребли, себе оставь, не мое это. Да и эстов двоих сын твой зарубил, так что ему тоже причитается.

Даже не спорь! — повысил я голос, видя, что Доброга собирается возразить. — Смелый воин у тебя вырос, Доброга!

— Воин! — хмыкнул десятник. — Отрок он покуда, неопоясан еще. А то, что смелый — то правда. Только думает пока мало, все больше руками помахать горазд.

— Ничего, научится, молодость быстро проходит.

— Так может ты его и поучишь искусству воинскому? Ты-то, я смотрю, опытен в бою, ловок да умел. Возьмешь сына моего в обучение?

Краем глаза я заметил, что подошедший к нам Варяжко, аж слюни пустил и щенячьи глаза сделал. О как! Так сразу и в обучение?

— Ты же меня совсем не знаешь, Доброга! Сразу готов мне сына доверить?

— Все что нужно, я уже узнал, остальное ты сам расскажешь, если захочешь. Вижу, что ты добрый человек, зла в тебе нет, за Правду сразу в бой кинулся, чтобы нас выручить. Да против такой силищи, не побоялся. И не сдуру, а умело. Хорошим наставником будешь. Возьми его, не пожалеешь. Я его всему, что сам знаю, научил уже.

— Хорошо, Доброга, будь по-твоему! Только сразу предупрежу — слушаться меня должен беспрекословно! — я строго посмотрел на молодого, но уже бородатого парня.

Доброга с Варяжкой синхронно кивнули, десятник хлопнул меня по плечу.

— Быть по сему! А теперь пошли трофеи собирать.

Трофеев оказалось на удивление много. Восемь комплектов кожаных с железными бляхами курток и колпаков, обитых железными полосками, четыре длинных копья, три, на мой взгляд, среднего качества, меча, пять тесаков и один приличный меч, принадлежавший главарю. Его же кольчуга и шлем. Кинжалы и ножи были у всех эстов, так же, как и поясные сумки с бытовыми наборами, ложками, иголками, кресалами и так далее. В кошельках нашлось разного серебришка, монетами и обрезками, почти на килограмм общим весом, немного разных женских серебряных украшений – серег, колец и браслетов, и красивая нитка бус из крупного янтаря. С главаря я снял толстую серебряную цепь и пару серебряных же браслетов, еще граммов на пятьсот. Еще на его груди обнаружился небольшой кожаный мешочек на шнурке, в котором были запрятаны шесть небольших золотых монеток с арабской вязью, грамма по три каждая, и одна квадратная, побольше, граммов на пять. С пальца главаря я также снял серебряный перстень с крупным красным камнем. По ободу перстень был украшен надписями на латыни, которой я, к сожалению, не знал, и крестами.

Сложив трофеи в одну кучу, мы приступили к осмотру лодки, или все же, ладьи, которая оказалась очень вместительной, рассчитанной, наверное, на перевозку человек пятнадцати и солидного груза, на четыре пары весел и одной мачтой с прямоугольным парусом. На каждом борту ладьи были закреплены по пять круглых щитов, которые я заметил

еще из леса.

К нашему удивлению, на дне ладьи лежали три связанных полуголых человека. Один мужичок лет тридцати на вид, совершенно лысый, мелкий и худющий, как скелет, в рваных портках. Второй мужик был ярко рыжим, коротко стриженным, веснушчатым, но таким же мелким и худым, как и первый. Третьей пленницей была молодая взлохмаченная девушка, на первый взгляд, симпатичная, белобрысая и упитанная, одетая в какую-то рвань, типа длинной рубахи. Успели уже где-то рабами разжиться эсты. Мы развязали их и отдали на попечение жене Доброги и младших детей, чтобы те их отмыли и приодели. Разговаривать потом будем, не до этого сейчас.

С помощью остальных женщин и детей мы разгрузили ладью от мешков, свертков и тюков и оттащили награбленное в доброгиной деревеньке в отдельную кучу. Это не трофейное, возвращаю, как и обещал, так что и смотреть туда не стал.

В ладье обнаружилось три лука, завернутых в кожу, с колчанами, полными разных стрел, с боевыми и охотничьими наконечниками, связка небольших сулиц, покороче, чем моя, но с более длинными и узкими наконечниками, два больших железных котла, костровые треноги, несколько круглых котелков поменьше, два широких и глубоких черпака на длинных ручках. Нашелся и запасной льняной парус.

В трофейных мешках, видимо награбленных эстами в другом поселении, оказалось много зерна и муки, были ово-

щи, разделанная лосиная туша, десяток ошипанных куриных тушек, берестяной туес с куриными яйцами, мешки сушеной рыбы, один маленький бочонок с белым воском и два таких же с медом. Были мешки с сушеными яблоками и ягодами, и даже кадушка соленых грибов, отборных мелких боровичков. Нашлись три бочки покрупнее, наполненные свежей водой, а два бочонка, литров на пятнадцать каждый, оказались с пивом. Обнаружился даже небольшой, на пару килограмм, мешочек с солью, что, как я помнил, было особенной ценностью в древние времена.

В остальных тюках были уложены различные товары – железная и бронзовая кухонная утварь, льняное полотно в рулонах, мешки с овечьей шерстью, пара коробов с деревянными ложками и мисками, кожаные тучки с плотно упакованными мехами, короб с ценной «рыбьей» костью, как называли раньше моржовые клыки.

Несколько особо прочных мешков из толстой кожи были заполнены кузнечными инструментами, клещами, молотками, мехами для раздувания огня, какими-то крючьями и крючками. Нашлась даже небольшая, но тяжеленная, наковальня. На самом дне лодки лежало несколько десятков крупных криц железа. Видимо целую кузницу разорили где-то, паршивцы.

Я отметил, какими жадными глазами смотрел именно на кузнечные принадлежности Доброга, и решил, что все это оставляю для него, мне то оно совсем не к чему.

Когда мы сложили все выгруженные из ладьи трофеи на площадке перед домами, из леса появилась группа людей, состоящая из нескольких десятков мужиков и баб и множества детей, подгонявшая приличное стадо коров и коз. Это оказались деревенские работники, а также холопы Доброги, которые прятались со скотиной в лесу. Все они работали в поле за деревней, дети пасли скотину, когда заметили вошедшую в залив ладью, и успели сбежать и спрятаться от грабителей в лесу.

Доброга тут же раздал им указания о наведении порядка в селении, и мы приступили к разбору трофеев.

Все съестные припасы я отдал жене десятника, справедливо рассудив, что пока живу здесь, сам готовить пищу не буду. А я уже принял для себя такое решение – пожить в деревне какое-то время и присмотреться к местной жизни, привыкнуть, тем более, что предложение от Доброги учить его сына я принял.

Из оружия я оставил себе только снаряжение главаря эстов – его хороший меч с крупным, прозрачным, розоватого оттенка камнем на оголовье, кольчугу, шлем, несколько рубах и штанов приличного качества. Остальное оружие и доспехи предложил выкупить Доброга, который планировал приодеть своих дружинников. Он объяснил мне, что у его гриди⁴ воинское облачение попроще, а так десяток сможет усилиться. Я не стал отказываться, мне столько не нужно, а

⁴ Гридь – дружинники.

серебришко пригодится, когда в Ладогу пойду, да и нести его легче, места не занимает.

Кузнечные принадлежности я торжественно вручил Доброге, на что он отреагировал очень бурно и пытался меня обнимать, целовать и хлопать по разным местам, пока я не начал кричать.

– Да с этими инструментами Викула-кузнец сразу работать начнет! И железо уже есть! Можно воев с болота вернуть, которые руду пошли добывать! – размахивал руками Доброга. – Да я теперь должник твой навеки, Хельги!

Доброга даже всплакнул от счастья и, размазывая рукавом рубахи слезы по бородатому лицу, снова полез целоваться.

– Так! Прекратить эти сопли, десятник! Обслюнявил уже меня всего! Ты мне друг, я тебе тоже друг, на этом и порешили! Давай лучше с освобожденными людьми поговорим и пленных допросим. А потом пожрать надо, голодный я совсем что-то.

Варяжко метнулся в избу и вывел оттуда плюгавых мужичков из лады. Их уже успели вымыть и переодеть в чистые некрашенные рубахи и портки, но выглядели они все равно печально, какие-то пришибленные, трясущиеся.

– Кто такие? – рявкнул я, – сурово глядя на них.

Мужички одновременно бухнулись на колени. Лысый тонким гнусавым голосом, очень похожим на голос актера Вицина, запричитал:

– Мы – трэли⁵, рабы, всегда ими были. Рыбу ловили, когда эсты нас захватили.

Оказалось, что оба мужичка были потомственными рабами, были собственностью какого-то крупного землевладельца по имени Грам и жили в поселении в пяти днях пути по воде отсюда. Рано утром вышли на маленькой лодке ловить рыбу, когда и попались эстам, проходившим мимо на своей ладье. Воспользовавшись густым туманом, пока их не увидели с берега, эсты захватили в плен обоих мужичков, чтобы потом продать. Рыжий быстро кивал головой, подтверждая слова лысого.

– Не убивай нас, господин! Мы хорошие рабы, много умеем!

– Как вас зовут?

– Я Фрут, – быстро ответил лысый.

– Я Грейп, – прошепелявил рыжий, голосом Бабы-Яги в исполнении актера Милляра.

Меня настолько рассмешили их голоса и имена, что я заржал, как конь. Проржавшись, я строго сказал им:

– Значит так, фруктовые братья, никто вас убивать не собирается. Пока будете мне служить, раз уж я вас освободил, а там видно будет. Если и вправду много умеете, то и продавать вас не буду.

– Мы не братья, – загнусавил лысый, шевеля красным носом.

⁵ Трэль – раб у викингов.

– Это мы еще посмотрим, – сказал я загадочным голосом и снова заржал. – Нет, ну надо же, Грейп-Фрут! Шутка года, блин! Ладно, – успокоился я. – Доброга, пристрой их пока к работе, а мы с третьей спасенной пообщаемся. Варяжко, приведи к нам девушку, будь любезен!

На крыльцо избы, в сопровождении Доброгиных дочерей, вышла умытая и расчесанная блондинка с толстой косой до пояса, одетая в белую рубаху и длинный синий сарафан. Высокая, совсем не худая, очень даже фигуристая, с пронзительными голубыми глазами. По ее взгляду было понятно, что она не рабыня и никогда ей не была. Чуть приподняв подбородок, она вызывающе смотрела на нас.

– Ничего себе, вот это красотка! Принцесса Брунгильда прямо, валькирия! – подумал я про себя, а вслух сказал:

– Здравствуй, красавица! Мое имя Хельги Скогатт, сын Хельги. Кто ты, как тебя зовут и как ты попала к эстам?

– Я – Бажена, дочь Ратибора. Мой отец был хускарлом полоцкого конунга⁶ Всеслава. Мои родители умерли, мне пришлось поехать к тетке в Альдейгью⁷, по дороге я со своей нянькой и холопами остановилась в деревне на ночлег, там на нас эсты и напали. Всех жителей деревни и моих сопровождающих они перебили, а меня забрали в полон, – коротко ответила она тихим голосом, используя в своей речи скандинавские слова, что я не мог не отметить. Видимо, сразу ре-

⁶ Конунг – король, князь у скандинавских народов.

⁷ Альдейгья – так скандинавы называли Ладогу.

шила, что я нурманн.

– Теперь я в твоей власти, Хельги Скогатт, но наложницей или твоей тир⁸ не стану, лучше руки на себя наложу! – гордо вскинула голову Бажена, но в ее глазах читался страх.

– Не беспокойся, уважаемая Бажена, никто тебя неволить не станет, ты свободна, обещаю тебе! И даже предлагаю свою помощь и защиту, могу проводить тебя до города, если пожелаешь! – я приложил руку к сердцу и степенно поклонился.

Доброга нахмурился, но ничего не стал возражать, просто сказав, признавая ее право на свободу:

– Иди в дом пока, дочь дружинника Ратибора, помоги моей жене на стол собрать.

Бажена благодарно кивнула, соглашаясь на мое предложение, плавно развернулась и гордо пошла обратно в избу.

Ну какова красавица, а! Ее, связанную, только что из лодки вытащили, чуть в рабство не продали, а она права качает. Да, характер тот еще, не дай Бог такую жену. А я-то тоже хорош, попался сразу же, слюни распустил, повелся на красотку, помощь ей предлагаю, хотя сам тут ни черта еще не понял и ни в чем не разобрался. Но теперь все, назвался груздем, придется в город ее везти, тем более и сам туда собирался. Не сейчас, конечно, месяцок здесь покантуюсь, попривыкну, пооботрюсь, язык и знания подтяну, с Добройгой и Варяжко плотно пообщаюсь, потом и дружинники их появятся, с ними познакомлюсь. Да и форму поднабрать бы надо, здесь

⁸ Тир – рабыня у викингов.

времена суровые, чуть что – и башку снести могут на раз.

– С пленными давай поговорим, – предложил я Доброге.

– И то дело. Варяжко, тащи сюда первого.

Варяжко выволок из сарая одного из пленников, таща его за шиворот, и поставил перед нами, заставив того стоять на коленях.

– Кто такой? Как твое имя? Откуда пришли? – начал я допрос.

Эст, а это был тот, которого я оглушил первым в самом начале моей атаки, мотнул головой и сплюнул на землю.

– Ничего не скажу, нурманнский пес, хоть режь меня! – как будто харкнул он.

Я пока был как-то не готов резать и бить связанных людей, гуманизм двадцать первого века, видимо, не позволял мне этого, поэтому я перехватил руку замахнувшегося было Доброги, и попросил Варяжку привести следующего.

– Ты кто такой? Зачем пришли сюда? Будешь говорить?

Второй разбойник тоже оказался упрямым, да еще и попытался боднуть меня своей косматой башкой в живот, за что получил пинка от Доброги и свалился на землю, хватая ртом воздух.

Ладно, попробуем с третьим, тем, который сам сдался.

Варяжко уволок обоих эстов обратно в сарай и вывел последнего.

Сейчас я разглядел его получше. Молодой, лет двадцати на вид, эст был крепким высоким парнем, худым и жили-

стым, с покатыми плечами и длинными руками, светловолосый, с узким лицом и аккуратно подстриженной бородкой. Смотрел прямо, не отводя глаз, но без вызывающего выражения лица, без наглости. Короче, не так, как первые двое.

– Как твое имя? Кто вы такие и что сюда пришли? – продолжил я допрос, уже не надеясь на простой разговор.

– Мое имя Иво. Я был дренгом ярла Скъельда, до тех пор, пока Асгейр не обесчестил и не убил мою сестру. Я все расскажу, если обещаешь принять меня к себе в хирд, господин, – неожиданно заговорил пленник.

– Не много ли ты себе позволяешь, ты, почти мертвец? – грозно рявкнул Доброга. – Какие еще обещания тебе дать, собака?

– погоди, Доброга, – остановил я его. – Пускай говорит. Продолжай, Иво, расскажи, кто вы? Почему напали на деревню? Как звали вашего вожака? Говори, и я подумаю, стоит ли оставлять тебе жизнь.

Парень кивнул и продолжил:

– Тот, в кольчуге – Асгейр Кабанье Брюхо – был вожаком у них, ты его убил. Под его началом еще пять дней назад было пятнадцать воинов. Он был сильным, удачливым, еще немного – и стал бы морским ярлом. Но ты его убил..., – повторил Иво грустным голосом.

Неожиданно Иво встряхнул головой, как будто отгоняя мрачные мысли, и заговорил быстрее:

– Когда я отправился в вик⁹ с ярлом Скъельдом, Кабанье Брюхо с двумя своими дренгами¹⁰ пришел в мой дом и стал требовать страндхуг¹¹. Жили мы небогато, земля моя, оставшаяся от отца, многого не приносила. Я только мечтал разбогатеть после вика с ярлом, отдать припасы сестра не могла, она бы просто умерла с голоду. Поэтому мои люди вступили в драку с Асгейром, но он как будто этого и ждал, ему просто был нужен повод. Оказалось, что остальная его шайка притаилась неподалеку от моего дома и только ждала сигнала для нападения. Они перебили всех, а мою сестру Кабанье Брюхо изнасиловал и перерезал ей горло, когда она попыталась пырнуть его ножом. Ей было всего пятнадцать...

– Вик был удачным, я вернулся с кучей серебра и большими планами, – продолжил, глубоко вздохнув Иво. – Но, вместо моего дома и родной сестры, меня встречало пепелище и могильные холмы. Мне повезло, что в живых остался один трэль, который мне все и рассказал. Я дал ему свободу. Тогда я поклялся, что не буду иметь женщин и пить хмельное, пока не отомщу Асгейру! Я долго искал его, мне удалось настичь его в Хедебю, куда он приплыл на зимовку. Кабанье Брюхо был очень силен и ловок, поэтому я не мог просто вызвать его на поединок, он бы меня точно победил и месть

⁹ Вик – боевой поход викингов, по сути – грабительский рейд.

¹⁰ Дренг – младший воин у викингов, типа нашего отрока.

¹¹ Страндхуг – обычай у викингов, по которому они могли бесплатно брать провизию у свободных бондов-земледельцев для обеспечения своего похода.

не свершилась бы. Да и конунг ему благоволил, у меня не было доказательств злодеяний Асгейра, поэтому требовать справедливости не было никакого смысла. Тогда я придумал план – втереться ему в доверие и при удобном случае убить. За зиму я наладил отношения с его дренгами и мне удалось войти в его шайку, когда весной Асгейр набирал викингов для похода в Альдейгью. Он хотел по пути грабить прибрежные деревни, не оставляя в живых свидетелей, а в Альдейгье распродать награбленное и наняться на службу местному конунгу. Я решил, что, при удобном случае, может быть ночью, пока все спят, мне удастся прирезать убийцу и сбежать. Но Кабанье Брюхо был очень подозрительным, всегда выставлял на ночь караульных из своих старых воинов. Мне только оставалось ждать удобного момента, чтобы свершить месть.

Иво попросил воды, так как от волнения и длинного рассказа его горло пересохло.

Варяжко принес ковшик с водой, и я решил, что можно развязать Иво, чтобы он попил. Доброга напрягся и неодобрительно заворчал, на что эст, грустно усмехаясь, сказал:

– Я в вашей власти, никуда не сбегу, клянусь. Тем более, я навсегда теперь должник господина, – Иво кивнул в мою сторону. – Прости, не знаю твоего имени. Ты убил всех моих врагов и свершил мою месть.

– Я – Хельги Скогатт, – в очередной раз представился я. Иво вежливо поклонился мне и продолжил свой печаль-

ный рассказ.

– Мы шли вдоль берега, встречным представлялись торговцами. Когда на берегу встречались небольшие поселения, мы приставали к берегу с просьбой пополнить запасы воды и купить пищи, а потом неожиданно нападали на жителей. Я только участвовал в разграблении и погрузке, не убивая никого. Асгейр меня и еще одного дренга, как самых молодых, всегда оставлял в ладье, клянусь вам!

– Что было дальше, Иво? – поторопил я его, так как заинтересовался рассказом парня.

– Дней пять назад мы проходили поселение, в котором раньше бывал один из дренгов. Он рассказал, что там много воинов, поэтому Асгейр решил пройти мимо него рано утром, пока туман не рассеялся. По пути нам попалась рыбацья лодка с двумя трэлями и Асгейр решил их захватить для продажи в Альдейгье. А три дня назад мы высадились в деревеньке, где Кабанье Брюхо снова решил хитростью захватить ценности и перебить ее обитателей. Но, неожиданно, там нам дали отпор. Мы все равно победили, но семеро дренгов погибли. Их побили стрелами холопы Бажены. Их тоже порубили, а саму Бажену Асгейр решил оставить себе в качестве наложницы, она ему очень понравилась. Но она была слишком строптива, и он приказал связать ее и не кормить. Дальше вы все знаете – мы пришли в вашу деревню, потом ты убил всех, господин, – Иво снова кивнул в мою сторону. – Прошу тебя, Хельги Скогатт, прими меня в свой

хирд, я хороший воин. Умею мечом работать и луком владею хорошо!

– Луком владеешь? – я задумался. Парень показался мне честным, его рассказ меня поразил и растрогал. Получается, что у меня уже есть ученик и два трэля. Почему бы не собирать команду дальше? Тогда надо его проверить, не врет ли парень про свои воинские умения.

– Посмотрим, каков ты, Иво. Бери меч из кучи! – я выхватил свой пока еще не заточенный клинок. Иво быстро дернул из трофеев первый попавшийся меч и принял боевую стойку.

Я предоставил ему право начать бой первым, и он этим воспользовался, проведя боковой удар справа, целясь мне в живот. Причем сделал он это плоскостью меча, чтобы не поранить меня, я это заметил и оценил. Его удар я отбил и тут же перевел свой меч с бокового парирования на удар снизу по голени. Иво успел отскочить назад и тут же атаковал замахом сверху. Отбив его удар мечом, я, не раздумывая, сблизился с ним и просто двинул ему коленом в пах. Иво согнулся пополам и рухнул на землю, подвывая.

– Кажется, слегка переборщил, – подумал я.

Минуты через три Иво встал и, утирая слезы, протянул мне свой меч со словами:

– Ты победил, господин! Это твое, – плечи его опустились, взгляд смотрел в землю.

– Ты неплохо сражался, Иво, просто я хитрее, – приобод-

рил я расстроенного парня. — Покажи теперь нам, как ты с луком справляешься! Видишь там, на берегу, на валуне чайка сидит, и ястреб над причалом кружит? Сбей любую птицу из них.

Иво поднял взгляд и оценивающе посмотрел в ту сторону, куда я указывал. Доброга протянул ему лук с наложенной на тетиву «птичьей» двузубой стрелой.

Иво принял лук, быстрым движением натянул его. Тренькнула тетива и стрела, через мгновение, выбила пух и несколько перьев, пронзив взлетевшую с валуна, как будто почуяв неладное, чайку.

— Почему не ястреба? — спросил я. — Ведь он легкой целью был, завис на месте?

— Чайка — птица глупая и бесполезная. К тому же стрелу мог в море потерять, если б в ястреба бил. А чайка в нужную сторону взлетела, стрела при промахе вдоль берега ушла бы, — ответил, не задумываясь Иво.

Доброга одобрительно крякнул, а Варяжко закивал и улыбнулся. Видать, им тоже приглянулся честный и открытый парень с трудной судьбой.

— Ну что ж, Иво, имя свое ты оправдал. Его имя в переводе означает — Тисовый Лук, — пояснил я для Доброги и его сына. Они понимающе закивали. — Возьму тебя к себе, но с испытательным сроком и без доли в добычи пока что. Приглядывать за тобой постоянно будем.

— Вечером на пиру клятву принесешь, как положено, —

строго добавил Доброга.

Иво прижал правую руку к сердцу и поклонился мне в пояс.

Я сначала не обратил внимания на слова Доброги, но тут до меня дошло, что он сказал слово «пир».

– Доброга, а что за повод для пира? – не понял я.

– Как что за повод? Ты нас всех от смерти спас! В твою честь пир! И отроки мои с гриднями вернуться к вечеру должны, я мальчишек-холопов за ними послал, – удивленно ответил хозяин.

– Так я и не против, Доброга! Вечером попируем! Только, может, сейчас что-нибудь перекусим, а то живот к спине прилип уже, вчера клюквы на ручье поел, да и все, – предложил я, прислушиваясь к заурчавшему желудку.

– А прав ты, до вечера далеко еще, пойдем поснедаем побыстрому, сил нет уже терпеть, со вчерашнего дня тоже не жравши, – согласился Доброга. – А с пленными что делать потом решим, когда гридь вернется.

В избе меня посадили на широкую лавку за большой стол, между Доброй и Варяжко, Иво уселся напротив. Все, как в книжках читал – первыми едят мужики, бабы им пищу приносят и накладывают, едят сами уже после, отдельно.

Посередине стола поставили большой горшок с дымящейся похлебкой, раздали всем глубокие деревянные миски, ложки и выдали по огромной горбушке свежего хлеба. Тут же разложили на деревянных подставках нарезанные овощи

– лук, морковь. Расставили перед каждым из нас большие глиняные кружки, предложили на выбор квас, молоко или простоквашу. Я выбрал кисломолочный продукт и не прогадал. Такой простокваши я давно не пил, вспомнил сразу из детства, когда мы с родителями снимали на лето комнату в деревенском доме, и хозяйка каждый день угощала нас домашней простоквашей из молока от своей коровы. Только эта была еще вкуснее.

Я, глядя на хозяев дома, повторял за ними – навалил себе в миску похлебки из горшка, и принялся уплетать горячее варево. Оно состояло из большого количества мяса, похоже лосятины, кабанятины и птицы, каких-то корешков, овощей, пшена и крепкого жирного бульона. Очень вкусно и очень наваристо, хотя соли было маловато. Ладно, привыкну, издержки времени.

Глава 5

Перекусив, Варяжко с Иво пошли озадачивать холопов на утилизацию трупов и наведение окончательного порядка в деревне, а мы с Добройгой уселись на завалинке, греясь на солнце. Добройга взялся вырезать деревянные ложки, сноровисто орудуя специальным кривым ножиком.

– Еще раз хочу поблагодарить тебя, Хельги, что жизнь нам спас, – начал он разговор, которого я ждал. – Расскажешь о себе? Кто ты и откуда, Лесной Кот? Если говорить не хочешь, я пойму. У всех свои тайны есть.

– Многого говорить не могу, Добройга, – я понимал, что не имею права молчать, расстраивать десятника совсем не хотелось, он был в своем праве знать о том, кого приютил. – Скажу лишь, что я тебе друг. Отец мой, Хельги, служил у киевского князя в дружине, там познакомился с моей матерью – нурманнкой по происхождению, ее звали Ингрид. Потом он оказался на службе у византийского басилевса. Там, в Константинополе, я и родился, – придумывал я на ходу свою новую легенду. – Потом отец погиб в бою, а мать через полгода умерла от горя. Мне уже было шестнадцать тогда, отец меня многому успел научить. Я решил, что оставаться в Константинополе мне не интересно, хотел мир посмотреть. Поэтому я нанялся в охрану одного купца, с которым несколько лет странствовал. Потом оказался у норегов, был хускарлом

у морского ярла. Наши пути разошлись, и я решил пойти в Альдейгю, чтобы наняться в хирд вашего конунга. Кстати, кто сейчас конунг в Альдейгье? – как бы невзначай, спросил я у Доброги.

– Буривой княжит, я в его дружине десятник, – ответил Доброга, не чинясь.

Я задумался, вспоминая, встречалось ли мне имя такого князя в моем времени. Да, кажется, помню – был такой князь, отец ладожского князя Гостомысла. Зятем которого, кстати, по имевшимся в нашем времени преданиям, станет легендарный Рюрик, варяг (или все же викинг?).

– Добрый князь? Не жадный? Нурманнов принимает на службу?

– Хороший князь, мудрый. И воин знатный. А на службу принимает, если вой ему приглянется, сам испытывает или воевода его – Белотур. Или боярин Доброжир. Тебя, думаю, примет. Да и подскажу я воеводе Белотуру, похлопочу за тебя. Я в его сотне из отроков в десятники поднялся, он меня сам сюда и поставил. Так-то я, если б не подранили меня, полусотником уже был бы, или даже сотником, – вздохнул Доброга. – Да не повезло, с весьянами в бою стрелу в колено получил, теперь хромаю.

Доброга рассказал, что прошлой осенью его, во главе большого десятка, состоящего из еще троих инвалидов из старшей гриди, с семьями и холопами, и тринадцати несемейных отроков, отправили отстраивать эту деревеньку для

защиты рубежей ладожского княжества, практически с нуля создавать форпост на берегу Варяжского моря, как в старину называли Финский залив. Место для деревни Доброга выбирал сам, посоветовавшись со своими старшими гриднями, и руководствовался тем, что заливчик удобен для укрытия ладей, проходящих мимо, в непогоду, и тем, что неподалеку в него впадала хорошая речка, богатая рыбой. Планировалось отстроить здесь крепкую деревню, обнесенную частоколом, с причалами и даже складами, чтобы торговые гости, следующие в Ладогу, могли остановиться тут на ночлег и даже купить-продать кой-какие товары, а также примерно понять существующие в княжестве расценки. Плюс ко всему, князем на Доброгу были возложены функции сбора дани с окружающих поселений покоренных чудинов, весян и вепсов-води. То есть, по нашим меркам, это был погранично-таможенный пост с дьюти-фри и гостиницей. Помимо воинов, в деревне жили четыре большие полные семьи десятника и старших гридней, с женами и детьми, и около десятка свободных работников с семьями – плотники, гончары, бондарь, кузнец и так далее – в общем, наемные специалисты, если по-нашему. Еще имелось несколько десятков холопов-трэлей, некоторые с женами, и порядка тридцати-сорока детей. Точнее Доброга затруднился ответить, мол, кто холопских детей считает. Крупная деревня, короче, да и не бедная.

Так, за неспешным разговором, пролетел остаток дня. На

закате солнца в деревню вернулись дружинники Доброгиного десятка, с которыми он меня познакомил, кратко рассказав про нападение Асгейра и моего участия в его отражении и спасения деревни. Все подробности с меня потребовали рассказать во время пира, который должен был скоро начаться – холопы под руководством Доброгиной жены уже расставили столы в длинном доме, построенном по образцу скандинавского и предназначенном для проживания отроков, и таскали туда приготовленные кушанья.

Длинный дом¹², где Доброга организовал пир, представлял собой большое прямоугольное помещение, невысокая двускатная крыша которого держалась на мощных столбах. По всей длине стен были сделаны узкие продухи, через которые свободно выходил дым от трех больших очагов, устроенных прямо посередине общего зала. Вокруг этих очагов буквой «П» сейчас были расставлены столы и лавки, которые после пиров сдвигались вдоль стен и служили воинам спальными местами. В торце помещения были установлены три деревянные фигуры домашних богов, за которыми стояла перегородка, единственная в доме, отделяя от общего зала подсобное помещение для хранения припасов и личных вещей воинов, расположенных на полках. Там же, за перегородкой, был устроен запасной выход.

Доброга усадил меня на почетном месте по правую руку

¹² Длинный дом – дом для проживания неженатых дружинников, по сути – казарма.

от себя, рядом с нами расположились его старшие гридни, молодежь заняла оставшиеся места. Организацией пира занималась жена Доброги, Лучезара, она же указывала холопам, когда подносить те или иные кушанья и напитки. Начался пир.

В самом начале Доброга произнес хвалебную речь в честь князя Буривого. Потом, когда все выпили пива из большой чарки, прошедшей по кругу, десятник завел длинный рассказ о нападении эстов на деревню, красочно описав мое участие в спасении его, Доброги, и всех жителей и имущества. Тут же, на пиру, приняли совместное решение о судьбе пленных – ценности они никакой не представляют, важными сведениями не обладают, выкуп за них не получить, так что пока держать под замком, а утром казнить. Вот и всего делов, простые времена, простые нравы.

Постепенно все захмелели, местное пиво было забористым и было его много, холопы еле успевали наполнять наши чаши. Стол отличался разнообразием предлагаемой пищи – мясо лосей, кабанов, домашняя баранина, козлятина и свинина, несколько видов птицы – глухари, рябчики, утка, гусь и курица, много всяких видов каш, свежий хлеб, нарезанный огромными ломтями, овощи. Все это жарилось, варилось, запекалось и тушилось тут же на очагах.

Дружинники шумно общались между собой, обсуждая нападение на деревню. Потом праздник плавно перешел к хоровому пению. Песни были в основном какими-то грустны-

ми и заунывными, что, под влиянием выпитого, в конечном итоге вогнало меня в депрессию. В расстроенных чувствах я, воспользовавшись возникшей паузой, решил тоже исполнить свою любимую песню и затянул казачью «Не для тебя придет весна».

Народ исполнение новой для них песни, немного переделанной мной под текущий момент времени, воспринял очень душевно. Бабы стояли и, вытирая платками слезы, всхлипывали, дружинники сидели молча с очень серьезными лицами. Когда я закончил петь, на несколько мгновений возникла полная тишина, неожиданно взорвавшаяся одобрительными воплями и ревом слушателей. Кто-то из отроков пустился в пляс, его поддержали почти все дружинники, сорвавшись с лавок, исполняя какой-то сумасшедший воинский танец, потрясая кулаками и ритмично подпрыгивая. Даже я, наконец, заразился общим весельем и пошел плясать вместе со всеми. Минут десять безумного танца выжали из меня все оставшиеся силы, и я плюхнулся обратно на лавку, чтобы отдышаться. Ко мне тут же подскочила симпатичная чернявая холопка, прислуживавшая мне весь вечер, и наполнила мою чашу новой порцией пива. Я не удержался и ущипнул ее за крепкий зад. Она весело взвизгнула и, стрельнув в мою сторону карими глазами, отпрыгнула подальше от меня.

Залпом допив пиво, я громко рыгнул и понял, что уже совсем пьян.

– Не пора ли нам освежиться? – сказал я сам себе и решил

выйти на улицу, чтобы отправиться спать. Еще днем я присмотрел для своего ночлега отличный сарай, в котором хранилось прошлогоднее сено, так как спать в общей казарме, с ее солдатскими ароматами, совсем не хотелось.

Прихватив шикарный плащ, доставшийся мне от главаря эстов, и заранее присмотренный мешок с шерстью, для использования в качестве подушки, я нетвердой походкой пошел в сторону своего сеновала. Прикрыв за собой дверь, я разгреб сено, подстелил плащ, бросил мешок и завалился в свою импровизированную ароматную постель. С детства очень любил запах сена.

Неожиданно навалились воспоминания из той, прошлой уже, жизни, да так сильно, что я схватился за голову, обураваемый мыслями о том, как же мне здесь жить. Что дальше-то будет? Смогу ли я привыкнуть к этому?

Тоскливо размышляя о случившемся со мной неожиданном перемещении во времени, я незаметно задремал. Вдруг дверь в сарай с легким скрипом приоткрылась, и яркая луна, показавшаяся на небе, осветила четкий силуэт остановившейся в дверном проеме невысокой фигуры. На мгновение силуэт застыл, словно оценивая увиденное. Потом дверь захлопнулась и ко мне на плащ с разбегу плюхнулось приятно пахнущее какими-то цветами и травами девичье тело. Я узнал в ней ту черноволосую холопку, которая прислуживала мне на пиру. Сон как рукой сняло. И откуда только силы берутся?

Глава 6

Утром я проснулся от того, что луч солнца, пробивающийся сквозь неплотно подогнанные жерди стен, светит мне прямо в глаза. Девушки рядом со мной уже не было, она убежала под утро, сказав, что скотину пора доить, поцеловав меня на прощание в щеку.

Я потянулся до хруста в суставах и выполз с сеновала, зевая и отряхиваясь от налипших травинки. Кое-как поправив и почистив свою одежду, я направился в сторону колодца, чтобы умыться. Там набирал воду какой-то пацаненок, которого я и заставил поливать меня из деревянного ведра, раздевшись до пояса. Вода была ледяная, что очень взбодрило. Раздумывая, чем бы обтереться после водных процедур, я вспомнил, что со вчерашнего дня являюсь рабовладельцем, и было бы неплохо, чтобы мои фруктовые братья-трэли проявляли хоть каплю уважения своему новому хозяину. Вчера, кстати, на пиру я их не видел, исчезли куда-то.

– Запорю паршивцев! Совсем распустились тут без хозяйского присмотра! – весело подумал я.

Неожиданно у колодца появилась моя ночная гостья и протянула мне большое чистое льняное полотенце, чтобы я мог вытереться. Во второй руке она держала глиняный горшок, который отдала мне, после того, как я надел рубаху, и сказала, улыбаясь:

– Испей молочка парного, Лесной Кот!

Молоко оказалось теплым и очень густым. Я залпом выпил всю кринку и поблагодарил девицу. Она поклонилась, хихикнула и убежала по своим делам, сверкая голыми пятками.

Молоко закономерно повлияло на мой желудок, и я начал оглядываться в поисках места отправления естественных надобностей. Пацан, набравший воду из колодца, сразу меня понял и рукой махнул в сторону берега:

– Там! Туда иди, нурманн!

Я почти вприпрыжку направился в указанном направлении, собирая по пути листья мать-и-мачехи и молодых лопухов. Почти у самого берега, за реденьким кустарником, я обнаружил длинную, дурно пахнущую траншею с воткнутыми вдоль нее шестами. Над траншеей, в позе гордых орлов, восседали пара отроков и несколько холопов, занимаясь своим утренним туалетом и при этом непринужденно болтая.

Увиденная картина вызвала у меня немедленный культурный шок. Как-то не готов я пока был к таким, обычным для девятого века, вещам. Но деваться некуда, молочко подперло окончательно. Желудок издал громкое урчание и я, быстро стянув портки, уселся с краешка траншеи, вынужденно присоединившись к дружной компании. Из кустов вылезли две девицы и уселись рядом, о чем-то тихонько перешептываясь между собой. Я отвернулся в сторону, сделав задумчивый вид, и прислушался к их разговору.

— А эти то двое, которых вчера из лодки достали, слыхала, что учудили?

— Нет, а что?

Я понял, что девки говорят о моих новоприобретенных рабах и наострил уши еще сильнее, слушая их разговор.

— Да вечером они с Третьяком пива напились, пока хозяйева пировали. Пока пили, Третьяк им рассказал, что медвежьи следы недалеко от деревни видел. Так они с ним поспорили, что медведя этого найдут и добудут.

— И что?

— Как что? Добыли, в деревню тушу притащили. Там, на окраине, уже полдеревни собралось посмотреть.

— Вот дают, окаянные! Я-то думаю, что это собаки с утра лаем заливаются!

— А еще Тишка с Весянкой с ними спорили, обещали дать им, если те медведя приволокнут. Вот они и расстарались, схватили топор с рогатиной, горшок с пивом, и в лес ушли!

Девки заржали во весь голос и, доделав свои дела, убежали.

Я задумчиво использовал экологически чистые лопухи и пошел вершить правосудие над своими трэлями.

На краю деревни гомонила толпа холопов, которые при моем приближении утихли и расступились. Мне открылась картина маслом. На бревнышке, упираясь головами друг в друга, сидели оба моих трэля, рыжий Грейп и лысый Фрут, замызганные и печальные. Перед ними на земле лежала ту-

ша медведя, привязанного к жердине за лапы. Медведь был крупным, но тощим и каким-то немного облезлым. Видимо, с зимней спячки не успел еще нагулять вес и обновить шерсть.

– Ну и что тут происходит? – строго спросил я. – Вы где, паршивцы, вчера пропадали, вместо того, чтобы мне прислуживать?

На самом деле меня распирал смех от увиденного, но надо было держать строгий вид, чтобы поставить на место расслабившихся трэлей.

– Так мы это... вот... – заблеял Грейп.

Фрут молча сфокусировал на мне мутный взгляд и совсем поник, чуть не упав лицом вперед с бревна. От падения его спасло только то, что они держались друг за друга руками. По их виду я понял, что у трэлей жуткое похмелье.

– Хорошо, мне все ясно, – сказал я, уперев руки в бока. – Значит, так. Медведя ободрать, шкуру отдать на выделку. Мясо закопать, только попробуйте сожрать его, не хватало мне потом из вас глистов с паразитами выводить! Потом найдете меня, я для вас наказание пока придумаю. Бегом! – рывкнул я на тормозивших с исполнением моего приказа трэлей.

Фруктовые братья подпрыгнули, как «двое из ларца», засуетились, хватая подвешенную к жердине тушу, и, спотыкаясь, поволокли ее к кожевникам.

– Да, и еще один момент! – трэли замерли, боясь повер-

нутся в мою сторону, вжимая головы в плечи. — Кто здесь Тишка с Весянкой?

Из толпы выступили две дородные девицы, этакие типичные доярки-колхозницы, как в «Особенностях национальной охоты».

— Это мы, господин, — тихим голосом сообщила та, что покрупнее.

— Вечером этим оболтусам дать не забудьте, — я развернулся от моментально покрасневших до состояния вареной свеклы девок и пошел искать Доброгу. Отходя, я услышал смешки односельчан и несколько веселых комментариев в их адрес.

Доброгу я нашел во дворе его дома. Десятник, раздетый до пояса, фыркая, ухая и подпрыгивая, умывался ледяной водой, которую поливал на него из большого деревянного ковшика Варяжко.

После водных процедур Доброга принял из рук подошедшей Лучезары полотенце, вытерся, пригладил и подвязал ремешком длинные волосы, огладил свою бороду и посмотрелся в большой бронзовый круг. Круг этот из дома вытащили двое младших сыновей десятника. Он был начищен до зеркального блеска, зеркалом же и являлся.

Я тоже захотел в него посмотреться и попросил мальчишек повернуться ко мне. Увиденное меня сильно озадачило. В отражении на меня смотрело мое лицо, но, как будто, это был я двадцать лет назад. Ни морщин, ни пигментных пятен,

ни сухой кожи я не увидел. На вид мне можно было дать лет тридцать, не больше, хотя *ТАМ* мне уже было под пятьдесят. В совокупности с моими ощущениями об остроте зрения, приливе сил и, чего уж тут говорить, резвости на сеновале с черноволосой девицей (надо хотя бы именем ее поинтересоваться!), внешность тридцатилетнему возрасту и соответствовала. Это на меня перенос во времени так подействовал?

Находясь в задумчивости, я принял предложение Доброги позавтракать и поплелся за ним в дом.

На завтрак хозяйка приготовила большой котел густой гороховой каши с жирной гусятиной. Запах был такой, что у меня слюни полились рекой. Сопровождалась трапеза свежайшим хлебом и неизменной простоквашей, от крынки с которой меня оттаскивали насильно.

После завтрака мы с Добройгой вышли, сыто рыгая, на улицу, где как раз заканчивали утреннюю зарядку под руководством опытных гридней молодые дружинники.

– Доброга, а скажи мне, где можно вместо той канавы у берега нормальный сортир поставить? – задал я насущный вопрос.

– Чего? – десятник не сразу понял, что я имею в виду. – А, нужник! А чем тебе канава не угодила?

– Хочу по византийскому образцу отхожее место соорудить, удобнее всем будет, сам потом спасибо скажешь! – ответил я.

– Ну так там, подальше к лесу и ставь, чтобы в деревню

вонюю не тянуло. Нужно тебе что для этого? Людишки или еще что?

– Нет, спасибо, своими трэлями справлюсь, пару лопат и топоров нужно пока и все. А если что еще нужно будет – спрошу.

Доброга подозвал проходящего мимо холопа, отдал ему распоряжения насчет выдачи мне инструмента, и занялся своими отроками, а я как раз увидел фруктовых братьев, бредущих нетвердой походкой в мою сторону.

– Сделали, как ты сказал, господин, – Грейп поклонился в пояс, Фрут за ним повторил. – Шкуру отдали на выделку, мясо прикопали в лесу.

– Хорошо, берите топоры с лопатами и идите за мной.

Мы дошли до последнего дома, и я отмерил от него еще метров пятьдесят. Прочертив лопатой на расчищенной от деревьев и кустарника земле длинный прямоугольник размером полтора на десять метров, я указал трэлям:

– Копайте яму глубиной в свой рост. Как справитесь, пойдете в лес и нарубите много деревьев – вот такой толщины, – я показал руками нужный размер стволов. – Укрепите ими все стенки ямы, а потом будете тут сарай строить, я покажу какой нужно. Да, и дерн срезайте аккуратно, на крышу пойдет. К заходу солнца приду проверить работу.

Хмурые доходяги молча похватали лопаты и начали работу.

Удивившись такой беспрекословной исполнительностью,

я покачал головой и отправился искать Варяжко. Пора и мне размяться с новым учеником.

Пока искал его по всей деревне, встретил по пути парнишку, который утром поливал меня из колодца. Тот показался мне смышленным. Дал ему мелкую серебряную монетку из трофейных и велел, когда солнце будет в зените, отнести моим трэлям кувшин с пивом и что-нибудь перекусить посытнее. Паренек часто-часто закивал головой и радостно улюлюкая убежал, довольный своим неожиданным заработком.

Варяжко я нашел тоже у колодца, прямо место встреч тут у них в деревне, все пути сюда ведут. Тот задумчиво ковырял носком сапога землю. Тихонько подойдя сзади, я хлопнул его по плечу и заорал, выхватывая меч, в самое ухо:

– Отрок, к бою!

Варяжко подпрыгнул от неожиданности, но, надо отдать ему должное, не пустился наутек, а схватился за свой тесак и, круто развернувшись в приседе, принял боевую стойку.

Чтобы понять профессиональный уровень моего ученика, я погонял его минут десять вокруг колодца, заставляя отражать мои атаки. Потом заставил отжиматься, прыгать и бегать по кругу, а затем ему снова пришлось отбиваться от меня еще полчаса.

– В принципе, подготовка у парня хорошая, – удовлетворенно подумал я, шлепнув напоследок его по спине плоскостью меча, когда Варяжко в очередной раз проворонил мою атаку. – Есть все задатки, чтобы стать хорошим бойцом, чу-

тье имеет, хоть и развивать его надо, и даже не запыхался особо!

Надо строить спортгородок для занятий, не дело это – по деревне бегать, людей, свиней и курей пугать!

С этим вопросом я направился опять к Доброге, которого по указаниям местных, нашел в доме кузнеца Викулы, жившего в паре километров от деревни отдельным хутором, на огромной лесной поляне. Вокруг его подворья, обнесенного нехилым частоколом, были расчищены делянки под посадки зерновых и овощей.

Подворье меня очень впечатлило: основательный дом из огромных бревен, большой амбар, сарай для скотины и кузница хоть и были построены кривовато и корявенько, но сразу было видно, что очень добротно, с душой. Залаявшие было на меня басом две лохматые псины тут же притихли, когда на них цыкнул хозяин-кузнец, здоровенный детина в кожаном переднике, вышедший вместе с десятником посмотреть, кого это к нему принесло.

Доброга представил меня как нурманнского воина, объяснив кузнецу, кто я такой и что мне можно доверять и нужно помогать.

– Так я как раз за помощью и пришел к тебе, Викула! – я вытащил из ножен меч и протянул его кузнецу рукоятью вперед. – Меч мне надобно заточить.

Викула взял мое оружие в руки, очень внимательно осмотрел его со всех сторон, понюхал и даже лизнул лезвие.

– Не наша работа, очень крепкое железо, хорошее. Издалека привез?

– Да, очень издалека. Мастер, который его делал, не успел довести свою работу до конца. Сможешь помочь?

– Крепкое железо, – повторил Викула, задумавшись. – Дорогое.

– Я знаю его цену, продавать не собираюсь. Скажи, чего за работу хочешь, кузнец?

– Если бы не слова Доброги о тебе, да не инструмент, что ты для кузницы добыл, попросил бы полгривны, очень железо крепкое, – в очередной раз уже повторил Викула. – Но раз ты друг – давай на осьмушке сойдемся?

Я снял с пояса кошель и отсчитал в его широкую ладонь десять серебряных дирхемов, граммов на двадцать пять весом.

– Так нормально?

– Тут больше. Если хочешь, я тебе его еще отполирую и хорошую перевязь для ножен сделаю, – вопросительно приподняв опаленную бровь спросил кузнец.

– Договорились, когда готов будет, приходи к Доброге, я пока у него живу.

Хлопнув на прощание по рукам, мы с Добройгой отправились обратно в деревню. По дороге я предложил десятнику построить неподалеку от деревни специальный городок для обучения отроков и тренировки дружины. Долго уговаривать его не пришлось. Внимательно выслушав, что я хочу

построить, Доброга задал несколько уточняющих вопросов, немного подумал и признал, что моя идея интересная, может быть полезной. Тем более, что он ожидал пополнения из Ладоги, ему воевода обещал к лету еще пару десятков отроков прислать. Еще подумав, он сказал, чтобы строили поближе к берегу, неподалеку от причала, потому как планировал там позднее что-то типа небольшой крепостицы поставить для обороны деревни. Мысль хорошая, я согласился – будет единым комплексом защитно-тренировочных сооружений.

Вернувшись в деревню, Доброга выделил мне всех молодых воинов под командованием пожилого однорукого гридня Кукши, освободив их от других обязанностей, и велел меня слушать и помогать строить городок.

Для начала я набросал засапожным ножиком на куске гладкой бересты примерный план строительства спортивных сооружений, нескольких строений для тренировки городского боя, полосы препятствий и стрельбища. Оценив идею, Кукша отправил отроков на расчистку земельного участка и лесозаготовки, благо, что высушенного леса для спортгородка не требовалось. Молодые парни тоже не возмущались неожиданно навалившейся на них работой, им тоже стало интересно, когда я подробно объяснил, что и для чего хочу сделать.

Здесь же, рядом, я запланировал поставить дом, хлев и пару сараев для своего проживания, но это позже, после строительства городка. Не все же мне ютиться, такому уважаемо-

му и совсем небедному хускарлу, на Доброгином дворе. Закажу у местных плотников, они быстро строят, я уже видел. Думаю, не откажет мне десятник в землеце.

К закату солнца я отправился проверять, что успели сотворить мои трэли. Еще издали я заметил, как фруктовые братья резво машут лопатами, чему был сильно удивлен. Вообще-то я думал, что после опохмела и перекуса, который им в обед должен был принести шустрый паренек, трэли забьют на работу и завалятся спать.

Но ошибся.

В стороне от почти законченной прямоугольной ямы лежали аккуратно срезанные пласты дерна, земля была навалена в кучу в другой стороне. Неподалеку штабелем лежали нарубленные в человеческий рост, на глубину ямы, жерди приличной толщины.

Увидев меня, трэли выскочили из ямы и синхронно поклонились.

– Вот господин, все как ты сказал, работаем, – теперь говорил Фрут. – Яма готова, жердей нарубили.

– Спасибо за пиво и снедь, господин! – трэли опять поклонились.

– Когда вы успели-то!?! – я был очень удивлен.

Смущаясь и продолжая постоянно кланяться, они объяснили, что Третьяк вчера проспорил одно желание, вот и пришлось ему помогать им в работе, причем вместе со своими сыновьями.

А ничего такие мужички, вроде честные и работающие, да и не дураки, похоже – местного за слова подтянули и припахали. Надо к ним присмотреться, узнать о них побольше. Ну и что, что любят выпить, зато деловитые и расторопные, такие точно пригодятся.

– Ладно, на сегодня все, идите к десятнику Доброге на двор, там вас покормят. Завтра продолжите работу, – напустил я на себя немного строгости. О прокорме трэлей я еще днем договорился с Лучезарой, за такие гроши.

Ну вот, всех озадачил, можно и с народом, так сказать пообщаться. Пойду к Доброге ужинать.

Солнце почти село за горизонт, погода стояла хорошая, теплая, ни ветриночки, ни одной тучки на небе. Даже как-то непривычно было для Ленинградской области. Почти наступило лето.

В доме Доброги традиционно собирались к ужину уважаемые жители деревни: сам десятник, его старшие гридни, старшины мастеровых, еще несколько пока незнакомых мне жителей.

Сама хозяйка Лучезара, ее старшая дочь и еще несколько женщин суетились, накрывая на столы. Среди них я заметил и Бажену, тоже помогавшую по хозяйству. Как-то все не было времени с ней поговорить подробнее, узнать о ней побольше, тем более, что она мне очень даже понравилась. Я пригладил волосы и бороду и подошел к ней, легким поклоном головы поприветствовав.

– Здравствуй, княжна! – широко улыбнулся я.

Бажена чуть ли не подпрыгнула от моих слов, заозиралась по сторонам, лицо исказилось как будто бы от страха. Через мгновение она взяла в себя в руки и, изобразив спокойное удивление, ответила мне таким же поклоном.

– Что ты, Хельги Скогатт, какая я княжна? Я – Бажена, дочь гридня Ратибора, из Полоцка. Я же тебе уже говорила, – сказано это было почти спокойно и тихо, но слегка дрожащий голос и побледневшее лицо все же выдавали ее волнение.

– Для меня ты – боярышня, княжна, кесаревна! – я попытался сгладить неловкую ситуацию, показавшуюся мне немного странной.

Если она так отреагировала на княжну, то может в этом скрыта какая-то тайна? Необычная девушка, ох какая необычная. Ведет-то себя так, как будто и впрямь княжна, но не очень умело это скрывает. Надо будет аккуратно разговаривать с ней. Но не сейчас, раз контакт сразу не состоялся. Ладно, сворачиваем разговор.

– Все ли хорошо у тебя? Может нужно что? Спрашивай, не стесняйся, я ведь за тебя теперь в ответе.

Бажена явно замялась, хотела что-то спросить, но, похоже, не знала, как начать разговор. Наконец, после внутренней борьбы, которая отразилась гаммой чувств на ее красивом лице, все же решилась.

– Нет ли у тебя возможности найти для меня холопку для

того, чтобы мне прислуживала? Я заплачу, серебро в городе сполна отдам. Моя нянька погибла, поэтому я подумала, что может быть ты...

– Ни слова больше, я все понял! Будет тебе, уважаемая Бажена, служанка. Никаких денег не надо!

– Буду тебе очень благодарна, Хельги Скогатт!

– Зови меня просто Хельги, или Олег, – улыбнулся я в ответ. – А сейчас прости, я должен поговорить с Добройгой.

После долгого и обильного ужина я вышел во двор и увидел своих трэлей, развалившихся на лавке. Рожи у них были, как у довольных мартовских котов, обожравшихся сметаны. И, кажется, я понял причину их состояния.

Я тихонько подошел к ним и неожиданно рывкнул:

– А вы что здесь сидите, бездельники?

Оба опять синхронно вскочили и вжали головы в плечи, как будто ожидая, что я начну их дубасить.

– Ладно, я сегодня добрый, идите спать. Хотя, стойте! А скажите-ка мне, Тишка с Весянкой приходили к вам?

Глаза трэлей забежали в разные стороны, головы вжались в плечи еще больше, но произвольно растянувшиеся улыбки выдали их с потрохами.

– Нормальные хоть бабы, а? Стоили того, чтобы на медведя с голыми руками идти?

– А то, хозяин! Добрые бабы, а уж работающие! И накормили досыта! – радостные рожи не скрывали полученного удовольствия.

– Ну так бегом спать тогда, завтра работы много! – крикнул я на них.

У меня в голове созрел план. Раз уж я и так рабовладелец, то почему бы мне еще и баб не прикупить? Куплю у Доброги этих Тишку с Весянкой, авось не откажет своему спасителю, пускай Бажене прислуживают, пока в город не уедем. Заодно и трэлей на них женю. Вот я какой умный! Две крепкие ячейки общества создам.

С этими мыслями я довольный направился в свой уже полюбившийся сарай, где через пять минут появилась знакомая черноволосая холопка. Да, имя я ее узнал все-таки – Стрела ее звали, Стрелка.

Глава 7

Следующие мои дни были заняты, как по распорядку: постановка задач трэям по строительству нового, диковинного для местных жителей, сортира, возведению отроками спортивного городка, изматывающие тренировки с Варяжко и молодежью, вечерняя проверка выполненных работ. Еще я оттачивал свои навыки верховой езды, что, по правде говоря, было одной из моих немногочисленных слабых точек. Правда, никто не удивлялся, что я плохой наездник, так как все продолжали считать меня викингом, которые, как известно, в основном ходят либо на драккарах, либо пешком. Но и этот навык я со временем смог подтянуть до удовлетворительного уровня. По крайней мере, моя задница больше не болела после долгого нахождения в седле. Эст Иво, принесший лично мне клятву верности, обучал отроков стрельбе из лука, он оказался отменным мастером в этом деле, что меня откровенно радовало.

Несколько раз мы с Иво, Варяжко и еще несколькими отроками выходили на трофейной ладье в море на рыбалку, которая мне, если честно, не очень понравилась. Ну что это за рыбалка – сеть забросить и через несколько минут ее вытащить, полную разнообразной крупной рыбы, и красной, и белой. Зато начал приобретать полезные навыки постановки паруса, управления ладьей и работе на веслах, что очень по-

лезно в этом времени. Даже мозоли на ладонях нарастать начали от гребли, которая меня скорее забавляла, чем была тяжелой работой. Заодно и физическую форму прилично подтянул, оброс крепкими мышцами и скинул лишний жирок.

А полагающиеся мне трофейные доли в ладье я Доброге отдал, в обмен на строительство своего небольшого подворья на краю тренировочного лагеря. И двух холопок, Весянку и Тишку, он мне уступил, совсем недорого. Их я сразу же к Бажене в услужение пристроил, за что заработал много слов благодарности и большой плюс в отношениях, которые сильно потеплели. Мы стали чаще встречаться, разговаривать обо всем, кроме ее происхождения. Этот вопрос я специально не поднимал, опасаясь спугнуть девушку.

Бажена оказалась девушкой образованной, серьезной, очень умной, много знающей об окружающем мире, разбирающейся в политических отношениях между окружающими княжествами, знающей скандинавские языки. Я постоянно узнавал от нее много нового о традициях, жизненном укладе, местных богах и даже ценах на различные товары.

Так прошло две недели.

Несмотря на то, что мои трэли работали вдвоем, объем их работ был значительно меньше, чем у отроков. Поэтому общественное заведение они построили раньше. Для его торжественного открытия я позвал всех дружинников и уважаемых жителей деревни с семьями. Холопы обойдутся, пусть к траншее бегают, еще не хватало.

Вытянутое здание на десять кабинок получилось вполне приличного вида, с плоской крышей, застеленной дерном, маленькими окошками в задней стенке и двери для вентиляции, с нормальными деревянными стульчаками над дырками в общую яму, отполированными трудолюбивыми (и монетолюбивыми) местными мальчишками. Перед входами в кабинки был также сооружен крытый длинный умывальник с подвесными бадейками, снизу которых торчали деревянные соски, при подбивании которых начинала литься вода, попадая в общее длинное корыто. Бадейки тоже мастерили мальчишки по моему образцу. Воду приходилось таскать от колодца, водопровод я пока не придумал, но расход был небольшой, так что не страшно, трэлей тут достаточно, натаскают.

Судя по реакции зрителей, сооружение им понравилось, а когда я объяснил, как им пользоваться, тут же все кабинки были заняты по назначению. Люди оценили удобство, когда, как по заказу, полил сильный дождь.

По окончании этой стройки века, я договорился с плотницким старшиной о начале строительства собственного подворья с двухэтажным домом по моему проекту, хлевом для скота, жилых построек для трэлей и сараев для хранения припасов. Также планировалось обнести строения высоким частоколом. Высушенные бревна мне выделил Доброга, в оплату обучения Варяжко и остальных отроков боевым искусствам, так как мастеров такого класса, какой имели я и

Иво, в дружине десятника не было. Парни, в основном, были смышленные и до воинского дела охочие, что помогало нам в их тренировках, как индивидуальных, так и групповых.

В ближайшее время Доброга собирался отправить отряд для сбора оброка с близлежащих, подконтрольных князю Буривою, селений. Больше без защиты оставлять деревню Доброга не хотел, хватило одного раза, поэтому решил дожидаться прибытия подкрепления из города и только после этого выступать.

Разговор о включении меня в состав дружины я не поднимал специально, так как меня устраивал существующий статус военного советника-специалиста. Денег за свои услуги я не просил, мне было достаточно того, что Доброга выделил мне землю под свое жилище. И вообще, мы с Добройгой и Варяжко сильно сдружились за время моего пребывания в их деревне, почти родней уже считались.

Наконец, к концу первого летнего месяца в деревню на лошадях прибыл дополнительный отряд отроков во главе со старым опытным гриднем Молчаном, дружина усилилась еще на тридцать одно копьё. Доброга теперь стал полусотником, воевода Белотур передал ему весть о повышении в звании через Молчана.

После такого значительного увеличения мощи дружины Доброга повеселел и сразу отдал распоряжение новым десятникам о срочной подготовке к походу. Готовили все необходимое оружие и снаряжение, запас пищи в дорогу, хотя и

предполагалось, что кормиться отряд будет за счет данников.

После полутора месяцев, проведенных в деревне, мне уже стало скучно, так что я попросился у полусотника принять участие в этом походе. Доброга не отказал, справедливо решив, что мои умения и опыт пригодятся для молодого, по сути состоящего из зеленых отроков, отряда.

После недолгих сборов, верховой отряд, во главе с Молчаном, состоящий из меня, Иво, десятника Рулафа, а также Варяжко и еще семнадцати отроков, отправился в путешествие, которое предполагалось завершить примерно через месяц-полтора.

Я оставил контролировать стройку моего подворья своих смышленных трэлей с их новоприобретенными женами и раздал им ценные указания и волшебные пендели, чтобы не расслаблялись в мое отсутствие. Очень тепло попрощался с Баженой, пообещав ей привезти гостинцы, отчего она очень сильно засмушалась и даже всплакнула, а на прощание сунула мне туесок с мазями и снадобьями от разных болезней и ран. Как выяснилось, она еще и врачевать неплохо умела.

Отряд выдвинулся с рассветом, рассчитывая достичь ближайшего поселения, первой цели нашего путешествия, к заходу солнца.

До маленькой деревеньки, состоящей из десятка домов, мы и впрямь добрались к вечеру. Она стояла на маленькой речке и казалась какой-то совсем убогой, с немногочисленным замызганным населением – вепсами. Жила деревенька

выращиванием зерновых, охотой и ловлей рыбы, как, впрочем, и все окрестные поселения. Но основной статьей ее доходов был сбор дикого меда, поэтому деревенька считалась ценной. Почему-то не везде удавалось найти диких пчел, как объяснял мне по дороге Молчан, а здесь, в округе, они были в избытке.

Староста встретил нас глубокими поклонами, выделил длинный гостевой дом, стоящий посреди деревеньки, и велел бабам накрывать столы, чтобы накормить с дороги приотмившихся воинов.

Весело откушав и поваляв местных баб по сеновалам, отряд заночевал. В самом начале пути Молчан, проводя инструктаж, разрешил отрокам отрываться, но только по взаимному согласию, зная, что воинам не откажут, наоборот — почетно родить от воина, сильная кровь в роду не помешает.

Возвращаться сюда мы не собирались, потому что планировали идти по деревням по большому кругу, поэтому утром упаковали положенный оброк, разместив его на заводных (или грузовых?) лошадях, и едва заметной лесной тропой отправились дальше.

Следующей точкой нашего развлекательного туристического маршрута была деревня, располагавшаяся на возвышенности, в окружении плодородных земель, на которых выращивали лен и ткали из него на продажу полотно. Также здесь была неплохая пушная охота, поэтому Молчан рассчитывал на хороший оброк мягкой рухлядью и тканью. Дерев-

ня была существенно крупнее первой, домов на тридцать.

Так, постепенно, мы объехали десятка полтора деревушек, деревень и селений, которые были очень похожи между собой и отличались только количеством домов и жителей. Рутинная работа начала меня утомлять. Все было спокойно, без каких-либо значимых происшествий. Единственным развлечением было мое присутствие на судилищах, так как помимо сбора оброка, Молчан, как представитель князя, занимался еще и судебными тяжбами сельчан, которые старосты не могли разрешить самостоятельно.

Прошло две недели. Наконец, на очередном привале, Молчан объявил, что мы приближаемся к предпоследней точке нашего вояжа, возвращаясь по кругу к родной деревне.

Селение, которое мы должны были посетить, было крупным и располагалось в дне пути от устья большой реки, впадающей в Варяжское море. Судя по моим прикидкам, это была река Луга. Молчан подтвердил мое предположение, когда я спросил его про название реки, добавив, что река крупная и по ней, через протоки, можно до самого озера Ильмень добраться, а оттуда по Волхову и до Ладоги недалеко. Я удивился этому заявлению, так как точно помнил, что в мое время такого водного пути не было, Луга с Ильменем не соединялась. Наверное, за тысячу лет эти рукава заилились, обмелели и перестали существовать, может и такое быть.

На рассвете мы свернули лагерь и через пару часов подъехали к деревне, расположившейся на огромном живописном

лугу посреди леса. Деревня представляла собой действительно большое поселение, окруженное засеянными полями. Нас встретил староста с несколькими местными жителями.

– Принимай гридней князя Буриной, староста! За оброком полагающимся пришли! Готово ли все? – начал как обычно Молчан, не слезая с коня.

Реакция встречающей делегации меня несколько насторожила. Растерянно поглядывая друг на друга, староста и его сопровождающие странно замялись, как будто не зная, что ответить.

– Так мы это, того... Отдали же уже все... – староста развел руки в стороны, как бы подтверждая свои слова.

– Ты что несешь, холоп? Кому отдали? Мы – гридни княжеские, оброк ты нам должен отдать! – взревел Молчан. – Шутить со мной вздумали? Казню всех!

Испуганные сельчане плюхнулись на колени.

– За что же нас казнить, господин? Гридням княжеским все и отдали. Два дня назад пришли, сказали, что от князя, за оброком. Мы и отдали.

Глаза Молчана налились кровью, ноздри раздулись от гнева, рука потянула меч из ножен, но я успел его перехватить.

– Подожди, десятник, надо подробности выяснить, прежде, чем рубить им головы, – я выдвинул своего коня вперед.

– А скажи-ка мне, староста, как выглядели те гридни? – посмотрел я на местного главу.

– Также как вы и выглядели, кольчуги, мечи, копья. Только пешие они были, я еще спросил, как же они оброк понесут. А они мне сказали, что не моего ума это дело, что они на ладье пришли, водой все князю и увезут. Еще три телеги с лошадами у нас забрали, на них и увезли рухлядь с зерном.

– Сколько их было?

– Десяток воев, старший с ними еще был, важный такой, длинный, в открытом шеломе, как у тебя. Он и говорил со мной. Остальные больше молчали да посмеивались. Забрали все, да и ушли, даже от угощения с девками отказались, пищу с собой завернуть приказали.

– А вы так просто и отдали им все? Поверили сразу? – Молчан был в ярости.

– Как же им не поверить, ведь вои... Попробуй что скажи, – тихо промямлил староста, опуская голову.

– Что еще странным показалось? – я продолжил опрос свидетелей. – Может, вели себя как-то не так? Или необычное что заметил в них? Говорили по-нашему или на других языках? Ну, вспоминай!

Староста замялся, как будто вспоминая, хлопнул себя по лбу рукой и воскликнул:

– Да, вои между собой вроде по-нурманнски шептались!

– Князю и нурманны служат. Нет в этом ничего странного, – Молчан, похоже, пока не знал, что делать, и злился от этого еще больше.

– Вот еще что! – староста нахмурился, поняв наконец, что

совершил оплошность, отдав оброк неизвестно кому. – Никогда раньше столько зерна, овощей и мяса в оброк не требовали! А эти еще очень много припасов съестных забрали, на телеги погрузили. Как будто не десяток их, а больше намного. И льняного полотна взяли несколько рулонов. Раньше-то только рухлядью оброк был.

– Значит так. Определяй нас на постой, староста! – Молчан махнул рукой в сторону домов. – На стол накрывай, а мы пока думать будем. Обдурили тебя, пустая башка! Не княжьи то люди были.

Быстро закивав головой, староста побежал впереди нашей колонны, указывая дорогу.

Нас поселили в обычном уже длинном общинном доме в центре деревни.

Отдав лошадей на попечение отроков, Молчан, я, Иво и второй десятник Рулаф собрались за столом, чтобы посоветоваться о дальнейших действиях. Понятно, что нас опередили какие-то самозванцы, поэтому нужно было решить, как поступить дальше.

– По следу их надо пройти, – начал Молчан. – Выясним, куда пошли. К Луге, скорее всего, раз про ладью говорили. Наверняка там остановились.

– Полотна льняного набрали для перевязки раненых? – предположил я. – И больше их гораздо должно быть, если снеди много взяли.

– Вели себя тихо, не грабили, не насильничали, – отме-

тил Иво. — Деревня-то большая, мужиков много, могли и отпор дать, случись что. Значит силы за собой не чувствовали, осторожничали.

— Кто? Нурманны? — фыркнул Молчан. — Этим-то все равно, сколько мужиков побить. Кто им тут против чего скажет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.